

Т. И. ОЙЗЕРМАН

ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ

Серия II
№ 32

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва — 1956

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор философских наук
профессор
Т. И. ОЙЗЕРМАН

ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва ★ 1956

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д 3/4.

Автор
Теодор Ильич Ойзерман.

Редактор **Л. А. Завелев.**
Техн. редактор **Г. В. Фурман.**
Корректор **З. С. Патеревская.**

А 11818. Подп. к печ. 8/IX 1956 г. Тираж 125 000 экз. Изд. № 246.
Бумага 60 × 92[1]/16 — 1,5 бум. л. = 3 п. л. Учетно-изд. 3,09 л. Заказ № 1706.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ВВЕДЕНИЕ

В ряду выдающихся предшественников философии марксизма — диалектического и исторического материализма — одно из наиболее видных мест заслуженно принадлежит великому немецкому философу Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю, стодвадцатипятилетие со дня смерти которого ныне, в 1956 году, отмечается всей прогрессивной научной общественностью.

Гегель является крупнейшим представителем немецкой классической философии, непосредственно предшествующей возникновению марксизма и представляющей, по известному определению В. И. Ленина, один из его теоретических источников. В работе «Три источника и три составных части марксизма» Ленин указывал, что немецкая классическая философия была одной из необходимых предпосылок для перехода от старого, метафизического материализма к качественно новому диалектико-материалистическому мировоззрению.

«...Маркс,— писал Ленин,— не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» [1].

Историческая заслуга Гегеля заключается в систематической разработке диалектического миропонимания и соответствующего ему диалектического подхода к изучению действительности. Конечно, Гегель не был родоначальником диалектики. Диалектика возникла свыше двух тысяч лет тому назад в философских учениях древнего Востока (Индия, Китай) и древней Греции. На протяжении всей истории познания происходило также развитие диалектической мысли, изучение внутренней связи и взаимозависимости явлений, изучение их противоречивого движения, изменения, развития и, наконец, исследо-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 4.

вание диалектики процесса познания. Однако, несмотря на отдельные глубочайшие диалектические положения, выдвигавшиеся выдающимися философами и естествоиспытателями XVII—XVIII веков, господствующее положение в науке принадлежало не диалектике, а противоположному ей взгляду на мир — метафизике.

Метафизическое миропонимание и соответствующий ему подход к изучению явлений характеризуются игнорированием или даже прямым отрицанием внутренней взаимозависимости явлений, их движения, изменения, развития. Метафизик вырывает изучаемые им предметы из всеобщей связи, отвлекается от их движения, изменения, считая все это несущественным и утверждая, что явления, по сути дела, неизменны. Это не значит, конечно, что метафизик не признает отдельных связей между явлениями, отдельных фактов изменения, развития. Главное в метафизике — отрицание всеобщности, существенности (а следовательно, и необходимости) взаимосвязи и развития явлений, вследствие чего метафизика ограничивается изолированным рассмотрением предметов познания. Нетрудно понять, что метафизика — это упрощенное понимание действительности, упрощенный подход к ее изучению. В XVII—XVIII веках метафизический способ мышления имел, как указывает Энгельс, свое историческое оправдание. Науки о природе и обществе были еще неразвиты; перед познанием стояла, прежде всего, задача выявления, собирания новых фактов, изучения и разграничения различных явлений природы, их классификации и т. д. Однако в XIX веке, когда перед наукой встала задача систематизации, обобщения накопленного фактического материала, изучения закономерностей возникновения и развития тех явлений, которые до этого лишь описывались, метафизический взгляд на вещи оказался несостоятельным. Жизнь требовала *диалектического* обобщения многообразных фактических данных.

Историческая заслуга Гегеля заключалась, следовательно, не просто в том, что он поставил вопрос о необходимости диалектического миропонимания; это было уже, в известной мере, сделано его предшественниками. Гегелю принадлежит, по существу, первая в истории попытка создания, правда, на ложной идеалистической основе, *системы* диалектического миропонимания, *диалектического метода, диалектической логики.* Иначе говоря, Гегель стремился создать диалектику как *философскую науку,* подытоживающую всю историю познания и закономерности самой объективной действительности. В особенности же Гегель стремился разработать основные принципы *диалектического способа мышления,* который в корне противоположен метафизике. Подвергнув глубокой и основательной критике метафизической взгляд на вещи, Гегель сформулировал, правда, в крайне извращенной идеалистической форме, *основные законы диалектики.*

Следует сразу же отметить, что задача создания диалектики как науки и научного метода не была решена Гегелем и не могла быть им решена именно потому, что он был сторонником идеализма, между тем как наука исходит из материалистического взгляда на мир. Заслуга Гегеля заключается не столько в решении, сколько в постановке основных вопросов диалектики как науки. Сама постановка вышеуказанных вопросов является выдающимся вкладом в развитие познания. Характеризуя этот вклад Гегеля в науку, Энгельс писал: «Новейшая немецкая философия нашла свое завершение в гегелевской системе, величайшая заслуга которой состоит в том, что она впервые представила весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. исследовала его в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и пыталась раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и развития...

Для нас здесь безразлично, разрешила ли система Гегеля все поставленные ею себе задачи; ее великая заслуга состояла в самой постановке этих задач» [1].

Теперь, когда уже свыше столетия существует марксистская философия, являющаяся единственно научным диалектическим миропониманием, особенно очевидна ненаучность, бесспорная несостоятельность идеалистической диалектики, которую разрабатывал и пропагандировал Гегель. Ныне, в свете новейших достижений естествознания и опыта общественно-исторического развития современной эпохи, доказана неразрывная связь диалектики и материализма. Гегель полагал, что диалектично одно лишь мышление; марксистско-ленинская философия доказала, что законы диалектики являются законами развития материального мира и человеческого познания. Гегель утверждал, что диалектический взгляд на мир не совместим с материализмом. История и здесь опровергла Гегеля, обнаружив порочность гегелевской диалектики, несостоятельность ее идеалистической основы и наглядно показав, что последовательная, научная диалектика несовместима с идеализмом, что высшим и единственно научным миропониманием и методом является материалистическая диалектика, или диалектический материализм.

Естественно возникает вопрос: если философия Гегеля является пройденным этапом исторического процесса познания, если основоположники марксизма-ленинизма, создавая диалектико-материалистическое мировоззрение, критически преодолели гегелевскую философию, то следует ли ее изучать в настоящее время? Несомненно, что на этот вопрос может быть дан лишь один ответ — положительный. Материалистическая диа-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 23—24.

лектика является научным подытожением всей истории познания, и для того, чтобы овладеть ею, необходимо иметь ясное представление об основных этапах развития познания и в особенности об историческом развитии самой диалектики и о ее борьбе с метафизикой.

Известно, что Маркс и Энгельс не отбрасывали философское наследие Гегеля и после того, как они создали свою качественно новую философию. Величайший продолжатель дела Маркса В. И. Ленин обстоятельно конспектировал важнейшие труды Гегеля. Тот факт, что в процессе изучения трудов Гегеля, В. И. Ленин выдвигает новые, важнейшие положения диалектического и исторического материализма, наглядно подчеркивает необходимость критически, с марксистско-ленинских позиций изучать философию Гегеля для творческого решения вопросов диалектического и исторического материализма.

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» писал, что необходимо организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения. «Конечно,— писал В. И. Ленин,— работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и несомненно первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон...» [1]. В той же статье В. И. Ленин настойчиво подчеркивал, что специалистам в области естествознания особенно полезно изучение, с материалистических позиций, диалектики Гегеля: «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» [2].

Эти указания В. И. Ленина, несомненно, сохранили свое принципиальное значение и для настоящего времени. Само собой разумеется, что изучение диалектики Гегеля может дать полезные результаты лишь в том случае, если оно будет не самоцелью, а одним из вспомогательных средств для овладения диалектическим и историческим материализмом, если оно будет осуществляться с партийных, непримиримых ко всякому, в том числе и гегелевскому, идеализму, позиций марксистско-ленинской философии.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 207.
[2] Там же, стр. 208.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

Ф. В. Г. Гегель (1770—1831) родился в Штутгарте, в семье видного чиновника. После окончания университета в Тюбингене Гегель несколько лет работал домашним учителем. Некоторое время он также был редактором газеты в Бамберге и директором гимназии в Нюрнберге. В 1816 году Гегель стал профессором сначала Гейдельбергского, а затем Берлинского университета. К этому времени полностью складывается его философское учение.

Философия Гегеля отражает глубокие социально-экономические сдвиги, вызванные развитием капиталистических отношений в Европе, и в частности в Германии. Уже ранние буржуазные революции, происходившие в XVI—XVII веках, нанесли серьезные удары феодальному строю и ускорили развитие капиталистической экономики. Утверждение капитализма наглядно свидетельствовало о дальнейшем развитии общественной жизни. Капитализм разрушал феодальные, в значительной мере застойные, общественные отношения, порождая новые отрасли производства, новые общественные классы, стимулируя бурное развитие наук о природе. В течение ста лет буржуазия, как указывали Маркс и Энгельс, создала могущественные производительные силы, превосходящие все достижения производства, созданные предшествующими поколениями людей. Темпы исторического развития увеличились в несколько раз. Рушились старые идеологические представления, господствовавшие в феодальном обществе: на смену религиозному принижению человека пришел глубоко оптимистический культ разума.

Идеологи передовой, революционной в то время буржуазии провозгласили человека высшим существом, господином природы; они утверждали, что могущество разума беспредельно и нет ничего непознаваемого, недоступного разуму. Прогрессивные мыслители XVII—XVIII веков выдвинули великую идею общественного прогресса, доказывая, что нет никаких непреодолимых препятствий на пути совершенствования общества, улучшения условий жизни человека. Идеологи буржуазии, выступая против отживших феодальных отношений, противопоставляли им «разумные» и, как казалось им, «естественные» буржуазные порядки: они не видели еще антагонистических противоречий, присущих капиталистическому строю.

Крупнейшая буржуазная революция — французская революция 1789 года — покончила с феодализмом во Франции и оказала громадное освободительное влияние на другие страны, в том числе на Германию. Гегель, так же как и другие немецкие буржуазные мыслители конца XVIII и начала XIX веков, приветствовал революцию 1789 года, как эпохальное событие, начало новой эры в истории человечества. В своей «Философии истории» Гегель следующим образом оценивал эту революцию:

«Это был *величественный восход солнца. Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление новой эпохи. Возвышенный восторг* властвовал в это время, и *весь мир проникся энтузиазмом духа,* как будто совершилось впервые примирение божественного начала с миром» [1].

К. Маркс, говоря о родоначальнике немецкой классической философии И. Канте, характеризовал его учение, как немецкую теорию, немецкое истолкование французской буржуазной революции 1789 года. Это глубокое определение вполне применимо и к философии Гегеля, своеобразно отразившей на почве исторических условий буржуазного развития Германии освободительное влияние французской буржуазной революции.

Энгельс в своей книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» указывал, что в Германии, так же как во Франции, буржуазной революции предшествовала определенная идеологическая подготовка — «философская революция». Если главными деятелями философской революции во Франции были французские просветители и, в частности, французские материалисты, решительно выступавшие против феодализма и провозглашавшие атеизм, то главными деятелями философской революции в Германии были Гегель и другие философы идеалистического направления, выступления которых против феодализма носили непоследовательный, половинчатый характер. Произведения французских просветителей сжигались, сами они подвергались преследованию. Что же касается немецких буржуазных философов, то они были профессорами университетов, их произведения открыто издавались и распространялись, поскольку эти философы, в отличие от французских просветителей, не были непримиримыми противниками феодализма и проповедовали компромисс между новым и старым, между развивающимся буржуазным строем и отживающими феодальными учреждениями.

Само собой разумеется, что эта особенность «философской революции» в Германии была далеко не случайной. Тогдашняя Германия, по сравнению с Францией, была экономически и политически отсталой страной. Франция задолго до буржуазной революции стала единым национальным государством, что весьма способствовало ее буржуазному развитию. Германия же и в начале XIX века все еще оставалась феодально-раздробленной страной, состоящей из множества карликовых монархических государств, отделенных друг от друга границами, препятствовавшими экономическому и культурному развитию немецкого народа. Вследствие экономической и политической раздробленности, немецкий народ еще не составлял в то время единой нации, несмотря на общность языка и культуры. Бур-

---

[1] Цит. по книге: Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 17. Госполитиздат. 1948.

жуазия также не была объединена в масштабе всей страны, не составляла национально единого класса, способного решительно, по-революционному бороться против феодализма.

Сознание собственной слабости и раздробленности вынуждает немецкую буржуазию возлагать свои надежды относительно буржуазного преобразования и национального объединения Германии на стихийный ход событий (подталкивавший капиталистическое развитие), на инициативу монархических правительств, которые вынуждены были идти на уступки развитию капитализма.

Действительно, поражение Пруссии и других германских государств в борьбе против революционной Франции поставило перед монархическими немецкими правительствами вопрос о необходимости некоторых буржуазных преобразований с целью усиления собственной военной мощи. Таким образом, исторически складывались условия для компромисса между немецкой буржуазией и немецким дворянством, все более становящимся на путь капиталистического развития. Этот компромисс получил свое идеологическое отражение в философии Гегеля и других немецких философов.

Ярким примером такого компромисса является гегелевское понимание свободы. С одной стороны, Гегель выступает против феодального произвола и объявляет свободу сущностью человека, с другой стороны, он считает необходимым сохранение сословий и прежде всего сохранение дворянства, которое представляется ему «естественным» носителем чести и нравственности. Противопоставляя свободу феодальным привилегиям, Гегель, как идеолог буржуазии, выдвигает на первый план «свободу собственности» и «свободу личности». Так, например, он утверждает, что «для реальной свободы необходима свобода выбора занятий, заключающаяся в том, чтобы человеку разрешалось пользоваться своими силами так, как он желает, и был открыт свободный доступ ко всем государственным должностям». Далее, по мнению Гегеля, «нужно, чтобы гражданин мог не только заниматься своим делом, но и получать доход от этого; не достаточно, чтобы человек мог пользоваться своими силами,— он должен находить и применение для них» [1]. Эти и подобные рассуждения Гегеля обнаруживают в нем буржуазного мыслителя, для которого государство представляется воплощением всеобщего блага и всеобщей свободы, а гражданские права — необходимым условием общественного развития.

Гегель не был сторонником революционного перехода от феодализма к капитализму; необходимость французской буржуазной революции он объяснял частными, имевшими якобы лишь во Франции место, причинами. Оказывается, по мнению Гегеля, революция 1789 года произошла вследствие господства

[1] Гегель. Соч., т. VIII, стр. 414. 1935.

католической церкви, а так как в Германии еще в XVI веке католицизм был сменен лютеранством, то революция здесь не является необходимостью. Таким образом Гегель фактически принижает революцию 1789 года. По Гегелю получается, что основой европейского феодализма был католицизм, основой же буржуазного общества является протестантская религия, якобы обеспечивающая свободу личности.

Двойственность, компромиссность буржуазных воззрений Гегеля ярко сказывается также в его представлении о роли народа в историческом процессе. Гегель часто говорит о «духе народа», как о могущественной силе общественного развития, подходя, правда, с ложных, идеалистических позиций к пониманию действительной роли народных масс. Так, например, по его мнению, народ, поскольку он образует определенное государство, «есть абсолютная власть *на земле*». Гегель указывает, что в народном духе коренится нравственное начало, которое в ходе истории реализуется через семью, племя, государство. И наряду с этим Гегель принижает народные массы, заявляя, что они сами не знают, чего хотят, отрицая значение исторической инициативы и самодеятельности народа, неправильно утверждая, что народ — это «бесформенная масса», а его революционные действия «стихийны, неразумны, дики и ужасны». Несомненно, что это реакционное отношение к народным массам в эпоху приближающейся буржуазной революции свидетельствовало о нереволюционности немецкой буржуазии, о ее стремлении к соглашению с господствующими феодальными классами. И характерно в этом отношении, что Гегель вполне разделяет некоторые дворянские идеологические предрассудки своего времени. Он исключает из сферы международного права те народы, в которых он видит возможный объект военной экспансии Германии — в первую очередь славянские народы, которым он отказывал в праве считаться «историческими» народами, совершающими всемирно-исторические деяния. Германию Гегель объявляет высшей ступенью развития человечества. Столь же реакционно представление Гегеля о роли войн в истории человечества: не ограничиваясь признанием их исторической неизбежности, Гегель утверждал, что войны столь же вечны, как и само общество, что без них якобы невозможно «здоровое» существование общественного организма. Эти реакционные предрассудки, воспринятые немецкой буржуазией и ее идеологом Гегелем, пагубно отразились на всем последующем развитии Германии.

Политическим идеалом Гегеля была конституционная монархия, требование которой выдвигалось не только буржуазией, но и обуржуазившимся, либеральным дворянством. Поскольку в Германии повсеместно господствовал абсолютизм, требование конституционной монархии было исторически прогрессивным, но, конечно, не революционным. Наиболее передовые мысли-

тели конца XVIII — начала XIX веков провозглашали лозунг демократической республики. Гегель же доказывал, что демократия осуществима лишь в небольших государствах. Что же касается конституционной монархии, то Гегель всячески ее возвеличивал и буквально обожествлял. Он писал, что конституционная монархия — это «дело нового мира, в котором субстанциональная идея приобрела бесконечную форму». Выходит, следовательно, что с установлением конституционной монархии достигнут абсолютный предел и развитие государства заканчивается. В. Г. Белинский, испытавший на себе значительное влияние Гегеля и высоко ценивший его диалектику, с возмущением оценивал этот гегелевский политический идеал. «Какое узкое, убогое понятие!» — писал он по этому поводу.

Некоторые авторы статей и учебных пособий, ссылаясь на реакционные черты мировоззрения Гегеля, утверждали, что его учение представляет собой не идеологию буржуазии, а аристократическую реакцию на французскую буржуазную революцию и французский материализм XVIII века. Такая характеристика социально-политического смысла и содержания философии Гегеля является ошибочной, поскольку она возводит в абсолют, крайне преувеличивает реакционные стороны учения Гегеля и фактически игнорирует прогрессивные стороны гегелевской философии, сыгравшие выдающуюся роль в идеологической подготовке немецкой буржуазной революции. Аристократическая реакция на французскую буржуазную революцию и французский материализм, действительно, имела место как в Германии, так и во Франции, Англии, России и других странах, но ее представители были весьма далеки от гегелевской философии. Идеологи аристократической реакции рассматривали французскую буржуазную революцию буквально как дьявольское наваждение, сатанинское деяние; они осуждали развитие буржуазного общества и воспевали средневековье. Гегель был не только чужд, но и враждебен такого рода антиисторическим взглядам; он обосновывал необходимость буржуазного развития Германии.

Оценивая Гегеля, как и всякого выдающегося исторического деятеля, следует прежде всего иметь в виду главное, определяющее в его учении. Главным в учении Гегеля была диалектика, учение о развитии и связанная с ним глубокая вера во всемогущество познания. Высоко оценивая это главное, определяющее в гегелевской философии, Ленин писал: «Хотя сам Гегель был поклонником самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — *учение* Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с дей-

ствительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития» [1].

Естественно возникает вопрос: если Гегель был представителем отсталой и слабой немецкой буржуазии, неспособной на революционную борьбу против феодализма, то чем объясняется тот факт, что он разрабатывал диалектику и благодаря этому сделал громадный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками? Основной причиной является, конечно, то обстоятельство, что Гегель, выступивший на историческую арену в начале XIX века, имел возможность теоретически осмыслить значительный опыт капиталистического развития, в том числе и опыт буржуазных революций в других странах. Громадное значение имело и то, что Гегель опирался на выдающиеся достижения философской мысли XVII—XVIII веков в Германии, а также на достижения естествознания своего времени, которые в известной мере уже указывали на необходимость изучения окружающей действительности с точки зрения развития. В начале XIX века были уже достаточно разработаны геология, эмбриология, физиология животных и растений, то есть те области знания, которые ближайшим образом приводили к представлениям о развитии Земли, а также и населяющих ее животных и растений. Ламарк опубликовал свою «Философию зоологии» в 1809 году; примерно к этому времени относятся и гениальные эволюционные идеи В. Гёте.

Опыт истории показывает, что в экономически и политически отсталых странах иной раз возникают более передовые учения, чем те учения, которые имеются в более развитых странах. Так было во Франции середины XVIII века, которая по сравнению с Англией была отсталой страной, но именно в ней, во Франции, в это время возникла и развилась материалистическая философия Гольбаха, Гельвеция, Дидро, несомненно, превосходящая предшествующие материалистические учения. Само собой разумеется, что это стало возможно лишь благодаря тому, что французские материалисты XVIII века опирались на философское учение своих английских предшественников — английский материализм Бэкона, Гоббса, Локка. То же имело место и в Германии конца XVIII и начала XIX веков, а впоследствии и в России, где в середине прошлого столетия развился материализм русских революционных демократов, которые вплотную подошли к диалектическому материализму.

Таким образом, философия Гегеля выражает глубокие социально-экономические сдвиги, происходившие в Германии и в других странах Европы; эта философия является учением прогрессивной в тех исторических условиях буржуазии и опирается на опыт буржуазного развития Европы и достижения естествознания своего времени.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 7.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ИДЕАЛИЗМА ГЕГЕЛЯ

Изучение философии Гегеля — дело весьма трудное вследствие крайней абстрактности изложения, сложности разбираемых Гегелем вопросов, а также идеалистической запутанности и извращенности основных положений гегелевской философии. Когда французский философ О. Конт попросил Гегеля изложить свою философию, по возможности кратко, популярно и на французском языке, Гегель высокомерно ответил, что его философию нельзя изложить кратко, популярно и по-французски. Конечно, если в изложении философии Гегеля следовать за ходом гегелевской мысли, то никакой популярности и тем более краткости быть не может. Однако основоположники марксизма, выделяя самое ценное в гегелевской философии и отбрасывая мистические, идеалистические ее черты, показали, что это ценное, рациональное, существенное для науки и действительно великое в философии Гегеля может быть изложено в краткой, популярной форме и на любом языке.

Для того чтобы правильно понять Гегеля, необходимо исходить из той оценки его учения, которая была дана Марксом, Энгельсом, Лениным.

Особенности объективного идеализма Гегеля

Гегель является объективным идеалистом: по его мнению, духовное первоначало, якобы порождающее и определяющее все явления природы и общества, существует вне и независимо от человека, от его сознания. Объективный идеализм утверждает, что существует какое-то сверхчеловеческое, сверхприродное сознание, которое якобы является первоисточником, первопричиной, внутренней сущностью всех вещей. Следовательно, с точки зрения объективных идеалистов, природа есть нечто низшее, являющееся следствием, произведением чего-то более высокого, духовного, которое они называют «мировым духом», «мировой волей», или, как выражался Гегель, «абсолютной идеей». Поэтому гегелевская философия объективного идеализма называется также абсолютным идеализмом.

Нетрудно понять, что точка зрения объективного идеализма в конечном счете совпадает с обычной религиозной точкой зрения: сверхприродный, сверхчеловеческий дух — это и есть бог. Но если большинство религиозных учений изображает бога каким-то человекоподобным существом (поэтому, например, христианство утверждает, что человек был сотворен по образу и подобию божию), то объективный идеализм предлагает нам более утонченное, абстрактное представление о боге, как о некоем безличном духовном первоначале мира.

Чем же отличается объективный идеализм Гегеля от других объективно-идеалистических учений? Философия Гегеля пред-

ставляет собой систему *диалектического идеализма.* Исходным пунктом философии Гегеля является положение о совпадении бытия и мышления; это значит, что мышление, с точки зрения Гегеля, составляет внутреннюю сущность всех вещей.

Общеизвестно, что мышление является высшей, по сравнению с ощущениями, формой отражения, познания внешнего мира. Мы не можем чувственно воспринимать то, чего уже нет (прошлое), то чего еще нет (будущее); чувственные восприятия непосредственно связаны с объектами, предметами, воздействующими на наши органы чувств. Что же касается мышления, то оно не связано непосредственно с предметами, воздействующими на наши органы чувств: наука обнаруживает, открывает явления, которые мы не видим, не слышим, не осязаем, познает прошлое, которого уже нет, и будущее, которого еще нет. Нельзя чувственно представить себе скорость света (300 тысяч километров в секунду), но понять, познать, теоретически доказать существование этого факта, конечно, можно.

Сила мышления в том, что оно отражает мир в форме понятий, выражающих общие и существенные особенности, признаки познаваемых предметов. Законы природы нельзя чувственно воспринимать. Поскольку мы воспринимаем чувственно лишь определенные, единичные явления, познание законов природы осуществимо лишь в форме понятий, средствами теоретического мышления. Однако, как ни велико значение мышления, как ни беспредельны возможности теоретического познания, мышление базируется на данных чувственного восприятия мира, исходит из чувственного опыта и без него невозможно. С помощью теоретического мышления открываются такие недоступные чувственному созерцанию явления, как молекулы, атомы, электроны и т. д. Однако источником наших знаний об этих непосредственно не отражающихся в нашем сознании предметах являются ощущения, чувственный опыт.

Гегель не понял сложной, глубокой связи абстрактного, теоретического мышления с чувственными восприятиями, не понял того, что именно из чувственных восприятий внешнего мира мышление получает все свое содержание. Содержание мышления (содержание науки), по мнению Гегеля, есть ему одному (одному лишь мышлению!) присущее содержание; оно-де не получено извне, а порождено мышлением. Познание, с этой точки зрения, не есть обнаружение того, что существует вне нас, вне мышления; это, по утверждению Гегеля, обнаружение, осознание содержания мышления, науки. Выходит, следовательно, что мышление, наука, познают свое собственное содержание и познание оказывается, с точки зрения Гегеля, самопознанием духа.

Но если все наше знание есть содержание мышления, то не следует ли отсюда, что законы природы и все то, что известно науке — субъективно, т. е. существует лишь в мышлении, созна-

нии человека? Гегель отклоняет этот субъективный вывод. Он утверждает: если мышление содержит в себе законы окружающей нас действительности, то из этого следует, что мышление надо понимать не как субъективное человеческое свойство, а как сущность мира и сущность самого человека, независимую от него. Человек не вправе рассматривать разум, логическое мышление, как ему лишь одному присущее свойство. Разумность, по мнению Гегеля, в конечном счете, присуща всему существующему; мир разумен, логичен, существует и развивается по законам, внутренне присущим мышлению, разуму.

Мышление отражает объективную реальность и поскольку оно правильно ее отражает, мы говорим о разумном взгляде на мир. Но Гегель отождествляет отражение действительности (разум) и то, что отражается,— объективную реальность. Таким образом Гегель приходит к фантастическому выводу, что мышление, свойственное человеку, лишь одно из проявлений (правда, высшее на Земле) некоего абсолютного, вне человека якобы существующего мышления, которое Гегель и называет «абсолютной идеей». Эта «абсолютная идея», как не скрывает и сам Гегель, есть понятие бога, освобожденное от обычно приписываемых ему религией человеческих черт.

Гегелевская «абсолютная идея», в отличие от обычного бога религий, не угрожает человеку адским огнем, не прельщает его райским блаженством, она вообще лишена чувственного, эмоционального отношения к миру и представляет собой, по мнению философа, чистое мышление. Но это мышление, по учению Гегеля, представляет собой активную, творческую деятельность, созидание и разрушение, изменение, преобразование, развитие.

Основной формой мышления является, как известно, понятие. Все знают, что такое понятие, например понятие дерева, понятие металла, химического элемента и т. д. Когда мы мысленно объединяем группу явлений, предметов, вещей, выделяя общие им всем, существенные, важные признаки, мы образуем понятие. В понятии дерева, например, указывается на то, что отличает это растение от других растений и других явлений вообще. Совершенно ясно, что понятие образуется человеком в ходе познания окружающей действительности: вне человека, до человека, независимо от него понятий не существует. Но не так думал Гегель, поскольку он утверждал, что мышление, имеющее своим содержанием всю действительность, не может быть чисто человеческим свойством, оно-де составляет сущность самих вещей. Поэтому и понятие (основная форма мысли), по учению Гегеля, «есть начало всякой жизни» и представляет собой «бесконечную, творческую форму, которая заключает внутри себя всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником» [1]. Выступая против материалистического

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 264—265.

учения о понятии, как высшей форме отражения объективной действительности, Гегель ставит на голову действительное отношение между мышлением и бытием: в его философии не мышление отражает бытие, а бытие является проявлением мышления, понятия, идеи. Как ни фантастичны эти утверждения немецкого идеалиста, в них имеется глубокая и правильная мысль об огромном значении понятий в мышлении, о значении теоретического мышления, далеко выходящего за пределы непосредственно чувственно очевидного.

Следует отметить, что во времена Гегеля в науке господствовал ограниченный, узкий эмпиризм, еще существовало недоверие к теоретическому мышлению, вера в одни только чувственно наблюдаемые, наглядные факты. Ученые-эмпирики рассматривали понятия лишь как простые названия, обозначения определенных чувственно известных фактов: они не подозревали даже, что понятия, опираясь на чувственные данные, открывают то, что непосредственно недоступно чувственному восприятию. Против этой эмпирической недооценки теоретического мышления выступал Гегель. Однако он противопоставлял эмпиризму не научное понимание роли теоретического мышления (которое еще не было разработано в те времена), а идеалистическое представление о всемогуществе понятия, мышления, идеи.

Диалектический материализм подверг глубокой критике ограниченный эмпиризм, недооценивающий роль теоретического мышления. Из того, что ощущения — источник всех наших знаний о внешнем мире, отнюдь не следует, что последние являются наиболее глубоким отражением действительности. Теоретическое мышление — более высокая ступень познания действительности, чем чувственные восприятия. В идеалистическом учении Гегеля это правильное положение, весьма важное для науки, получило фантастическое истолкование: понятие выше чувственно воспринимаемой действительности. А тот факт, что с помощью понятий мы открываем существование таких явлений, которые непосредственно недоступны чувственному наблюдению, Гегель истолковывает так, будто бы понятие порождает из себя все эти чувственно не наблюдаемые явления, связи, закономерности. Каждое достижение науки, с этой точки зрения, выглядит не как все более глубокое отражение мира, а просто как продукт развития познания, теоретического мышления, обнаружение внутренне присущего ему содержания. Следовало бы сказать, что понятие, мышление отражает сущность вещей, а Гегель говорит, что понятие это и есть сущность всего существующего, а материя только внешняя оболочка, тело понятия, мышления.

Итак, исходный пункт гегелевской философской системы — идеалистическое отождествление бытия с мышлением, сведение всех процессов к процессу мышления, благодаря которому они не просто познаются, а существуют, возникают, исчезают, изме-

няются и т. д. Действительная история сводится, таким образом, к истории познания, а рост и углубление наших знаний о мире рассматриваются как развитие самой действительности. Гегель абсолютизирует процесс познания, осуществляемый человечеством, выдавая его за божественное самопознание и познание человечеством бога. Практическая, материальная деятельность людей также сводится к познанию, самопознанию.

Маркс и Энгельс следующим образом характеризуют исходный пункт гегелевской системы: «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира. Таким образом, все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена» [1].

Учение Гегеля о логическом процессе

Перейдем к характеристике составных частей философского учения Гегеля.

Основными составными частями гегелевской философской системы являются: логика, философия природы и философия духа. Логика, которой посвящено крупнейшее произведение Гегеля «Наука логики», является первой и важнейшей частью гегелевской системы. В ней, больше чем в каком-либо другом труде Гегеля рассмотрены основные вопросы диалектики, как теории развития, как научного метода познания действительности. Поэтому характеристике этой части философского учения Гегеля следует уделить главное внимание.

Известно, что логикой называется наука о законах и формах правильного, познающего истину, мышления. Такое определение логики совершенно не удовлетворяет Гегеля: с его точки зрения, мышление существует не в одной только человеческой голове, а образует всеобщую основу и внутреннее содержание всего бытия. Следовательно, полагал Гегель, законы мышления необходимо рассматривать как наиболее общие законы всего существующего, ибо все, в конечном итоге, разумно, логично. С этой точки зрения Гегель считал обязательным включение в науку логики таких вопросов, которыми эта наука никогда ранее не занималась. Кроме обычных традиционных вопросов о понятии, суждении, умозаключении, Гегель в своей логике рассматривает вопросы о закономерностях бытия и сущности, о превращении количественных изменений в качественные, о соотношении сущности и явления, необходимости и случайности, свободы и необходимости, о природе механических, химических, жизненных процессов и т. д. Короче говоря, Гегель не

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 123. Госполитиздат. 1955.

только распространяет законы мышления на всю действительность, но и пытается логически истолковать, органически включить в логику наиболее общие закономерности объективного мира, обусловливающие отношения между изучаемыми различными науками материальными процессами.

Нельзя, конечно, согласиться с Гегелем в том, что законы мышления — это и есть законы бытия, природы и общества, а формы, в которых совершается процесс мышления, являются формами самой, независимой от человека и человечества действительности. Тем не менее, было бы грубой ошибкой с порога отбрасывать все эти положения Гегеля, не видя в них ничего рационального, правильного. Формы мышления — понятия, суждения, умозаключения, анализ, синтез, индукция, дедукция и т. д.— являются, несомненно, специфическими формами познания, присущими лишь субъекту, человеку. Но можно ли их на этом основании безоговорочно считать лишь субъективными, не имеющими никакого отношения к объективному содержанию, объективному миру, формами? Ведь и само мышление — продукт развития объективного мира; оно неотделимо от материи, объективной реальности. И если считать формы мышления чисто субъективными, то нельзя тогда объяснить, почему они являются формами познания. Один из предшественников Гегеля — родоначальник немецкой классической философии И. Кант — доказывал, что формы мышления лишь субъективны и, следовательно, никакого отношения к объективной реальности не имеют. Отсюда Кант делал вывод, что наши знания также субъективны, не являются отражением объективной реальности.

Домарксовские материалисты, в отличие от Канта и других агностиков, отрицающих познаваемость мира, утверждали, что содержание нашего познания объективно. Что же касается тех логических форм, в которых оно осуществляется, то они субъективны, потому что не могут же понятия, суждения, умозаключения существовать вне человеческой головы. Они утверждали, что логические формы — пустая оболочка, в которую может быть заключено любое содержание. Диалектический материализм, в отличие от домарксовского материализма, считает, что не только содержание наших знаний, но и логические формы, формы мышления отражают объективную реальность и в этом смысле объективны. Если слух, зрение, обоняние и другие чувственные способности возникли и получили развитие потому, что существуют звуки, свет, предметы, издающие запах, то логические формы мысли могли возникнуть и получить свое развитие также благодаря тому, что в самой действительности существуют различные типы отношений, связей, отражаемые логическими формами мысли.

Формы и способы мышления являются аналогом объективно существующих отношений вещей. Так, например, анализ

и синтез, как своеобразные логические операции, отражают реальные процессы разложения и соединения, происходящие вне нас. То же относится и к другим логическим формам, например, к суждению. Когда вы говорите «золото есть металл», то сама форма этого суждения (а не только его содержание) отражает нечто объективно реальное, а именно единство особенного и общего, которые никогда не существуют отдельно, изолированно друг от друга. Всякое отдельное есть вместе с тем и особенное и общее: Иван — человек, роза — растение и т. д. Вот почему В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, подчеркивал: «Гегель действительно *доказал,* что логические формы и законы не пустая оболочка, а *отражение* объективного мира. Вернее, не доказал, а *гениально угадал»* [1].

Выше уже говорилось о том, что Гегель включил в свою логику и те наиболее общие понятия (обычно называемые категориями), которыми обозначается наиболее общее и существенное в самой объективной действительности, такие понятия, как бытие, небытие, количество, качество, сущность, тождество, различие, противоречие, причинность, необходимость, случайность, взаимодействие, закономерность и т. д. И в этой идее Гегеля есть глубокая и рациональная постановка вопроса. Гегель, конечно, ошибался, утверждая, что бытие, количество и качество, сущность и явление и т. п. представляют собой лишь формы мысли и, следовательно, вне мышления, независимо от него не существуют. И тогда, когда не было на земном шаре людей, существовали вещи, обладающие количественной и качественной определенностью. Понятия количества и качества отражают эту объективно существующую определенность вещей. Само собой разумеется, что возникновение и развитие этих понятий, в связи с развитием математики, физики, химии и других наук на основе материальной, практической деятельности людей является длительным историческим процессом. Каждое из этих понятий-категорий выражает определенный уровень, ступень познания действительности, углубления человеческого познания. Первобытный человек теоретически не выделяет себя из окружающей природы; развитие теоретического, научного знания закономерно ведет к образованию и развитию общих понятий-категорий. С этими категориями мы встречаемся в каждой науке. Так, в механике имеются такие категории, как масса, инерция, непроницаемость, сила, скорость, ускорение и т. д. Категории философии являются наиболее общими, они имеют значение для всех наук, так как охватывают все области познания и сам процесс отражения действительности в сознании.

Задача изучения возникновения и развития наиболее общих категорий, изучения системы взаимосвязанных категорий, относящихся ко всем наукам, является одной из наиболее важных

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 155. Госполитиздат. 1947.

задач философии, поскольку только таким путем можно действительно подытожить историю познания, выработать научный метод изучения явлений и показать, как правильно применять к познанию философские категории, не превращая их в закостенелые, неизменные, догматические понятия. Эту задачу и пытался решить Гегель в своей «Науке логики».

Старая школьная логика (обычно называемая формальной логикой) ограничивалась, главным образом, описанием и классификацией логических форм мышления, рассматривая их вне связи с содержанием. Не отрицая правомерности и необходимости такого исследования логических форм мышления, Гегель утверждал, что оно все же недостаточно и далеко не исчерпывает задач логики. После того как формы мысли изучены вне отношения к содержанию, необходимо исследовать формы мысли в связи с содержанием процесса познания, который идеалистически извращался Гегелем и изображался как процесс развития самой действительности.

Выделяя рациональное зерно в гегелевском понимании логики процесса познания, Ленин подчеркивал, что Гегель ставит и пытается решить на идеалистический лад вопрос о *диалектической логике,* раскрывающей закономерности развития логического (теоретического) познания, осуществляемого в ходе развития научного знания. Рассматривая этот вопрос, Ленин писал: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [1].

Гегель не смог создать научной диалектической логики, поскольку он пытался обобщить историю познания с позиций идеализма, игнорируя материальную обусловленность этого процесса и категорически отрицая отражение в мышлении независимой от него объективной реальности. По учению Гегеля, логика есть наука о «чистом», абсолютном мышлении, об «абсолютной идее» и, следовательно, о боге. Задача логики сводится к рассмотрению процесса самопознания, происходящего в лоне мифической «абсолютной идеи» до ее воплощения в природе и обществе. Именно поэтому Гегель говорит: «Логика есть наука *о чистой идее,* т. е. об идее в абстрактной стихии *мышления»* [2]. Природа, по Гегелю, не является уже чистой идеей, в виду чего, согласно этой идеалистической концепции, логика предшествует природе, а последняя является ее воплощением, «инобытием». Таким образом, определяя предмет науки логики, Гегель исходит из идеалистического решения основного вопроса философии. Соответственно этому в «Науке логики» Гегель решительно подчеркивает, что логику «следует понимать как систему

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 66.

[2] Гегель. Соч., т. I, стр. 39. 1930.

чистого разума, как царство чистой мысли. *Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой.* Можно поэтому выразиться так: это содержание есть *изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа»* [1]. Это положение Гегеля делает особенно очевидным идеалистический, мистический характер гегелевской логики: развитие природы и общества превращается в развитие познания, но не реального исторически совершающегося процесса познания, осуществляемого человечеством, а процесса самопознания «абсолютной идеи», который, по Гегелю, совершается вне времени и пространства.

Основными, последовательно обнаруживающимися ступенями этого мистического логического процесса являются: бытие, сущность, понятие. Таковы три основных раздела гегелевской логики. В «бытии» гегелевская «абсолютная идея» осознает себя как качество, количество, меру; в «сущности» она выступает как тождество, различие, противоречие, причинность, необходимость, закономерность; в «понятии» она достигает самопознания, т. е. сознает себя как идея и проявляется как абсолютно свободная деятельность, которая реализуется через различные формы суждения и умозаключения, через отношение субъекта и объекта, теории и практики и достигает, наконец, абсолютного знания. Таким образом, все то, что имеется в самой объективной действительности: бытие, сущность, количество, качество, необходимость, закон и т. п. рассматривается Гегелем не как явления, процессы и взаимосвязи материального мира, а как понятия, существующие в лоне «абсолютной идеи» и «развивающиеся» там вне времени и пространства. Поскольку бытие, например, объявлено лишь понятием, т. е. основной формой мышления, Гегель начинает свое рассуждение с «чистого бытия». Последнее, в виду того что в нем не содержится никакой определенности, «переходит», по Гегелю, в ничто. Но так как этим самым ничто, или «небытие», объявлено существующим, то оно, в свою очередь, оказывается «бытием». Эту идеалистическую диалектику понятий бытия и небытия Гегель называет «становлением», в результате которого якобы возникает некое определенное бытие или качество. Речь идет не о действительных качествах, присущих вещам, а лишь о понятии качества, о категории. Тем не менее, несмотря на крайне умозрительный характер постановки вопроса, Гегель, в этой связи, открывает закон перехода постепенных количественных изменений в коренные качественные, доказывает необходимость скачкообразного перехода от одного качественного состояния к другому. Подвергая критике метафизическое представление, согласно которому все изменения, происходящие в мире, совершаются постепенно, Гегель пишет:

[1] Гегель. Соч., т. V, стр. 28. 1937.

«Говорят: *в природе не бывает скачков,* и обычное представление, когда оно хочет постичь некоторое *возникновение* или *прехождение,* полагает, как мы уже сказали выше, что постигнет их, представляя их себе как *постепенное* происхождение или исчезновение. Но мы показали, что вообще изменения бытия суть не только переход одной величины в другую, но и переход качественного в количественное и наоборот, становление иным, представляющее собою перерыв постепенности и качественно другое по сравнению с предшествующим существованием. Вода через охлаждение не становится твердой постепенно, не делается сначала кашеобразной, чтобы затем, делаясь постепенно все тверже и тверже, достигнуть консистенции льда, а сразу затвердевает; уже достигнув температуры точки замерзания, она все еще может полностью сохранить свое жидкое состояние, если она останется в покое, и ничтожное сотрясение приводит ее в состояние твердости» [1].

Понятие качества переходит, по Гегелю, в понятие количества, а диалектика этих лишь в мышлении существующих противоположностей приводит к их единству, которое Гегель называет «мерой». Все имеет свою меру, т. е. границу, за пределами которой любое даже незначительное изменение влечет за собой уничтожение данного состояния, явления и возникновение нового. Пункты перехода от одного качества к другому, соединенные вместе (например, таблица критических температур, при которых различные вещества переходят из жидкого состояния в газообразное) образуют, по Гегелю, «узловую линию меры». Взаимопревращение одной меры в другую, переход количества в качество и обратно обнаруживает их внутреннее совпадение, тождество. Таким образом, Гегель от понятия бытия переходит к понятию сущности.

Понятие сущности определяется вначале как некое тождество, поскольку разные явления имеют одну и ту же сущность. Следовательно, сущность по-разному проявляется. Но из этого, в свою очередь, следует, что сущность не может быть одним только тождеством: откуда в таком случае проистекает многообразие, которое, несомненно, также существенно? Недостаточно поэтому свести многообразие явлений к одной и той же сущности (например, к молекуле, атому и т. п.), необходимо в самой сущности обнаружить многообразие или во всяком случае то, что его порождает. Значит, тождество неотделимо от различия и сущность представляет собой единство того и другого — единство противоположностей, которые образуют противоречие и взаимно превращаются друг в друга. В этой связи Гегель развивает свое учение о противоречии как движущей силе движения, развития.

Гегель критикует метафизику, которая хотя и признает нали-

---

[1] Гегель. Соч., т. V, стр. 434.

чие противоположностей, но считает их абсолютными, не связанными друг с другом, взаимоисключающими. На самом же деле, противоположности соотносительны, как положительное и отрицательное, правое и левое, бесконечное и конечное, общее и единичное и т. д. Это соотношение взаимоисключающих, но вместе с тем взаимообусловливающих друг друга противоположностей и есть противоречие. Поэтому, как утверждает Гегель, «нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе и выдерживать это противоречие» [1].

Вопреки метафизике, утверждающей, что объективное существование противоречия невозможно, немыслимо, что противоречия бывают лишь в человеческих суждениях, да и то ошибочных, Гегель настойчиво подчеркивает объективность противоречия: *«все вещи противоречивы в самих себе»* [2].

Подчеркивая выдающуюся заслугу Гегеля в развитии диалектического учения о противоречии, не следует, однако, забывать о том, что идеалистический характер гегелевского учения самым непосредственным образом сказался и в этом вопросе. Поскольку противоположности представляются Гегелю лишь мыслями, постольку они оказываются в основе своей тождественными. Настоящей, суровой борьбы противоположностей, борьбы между старым и новым, например, гегелевская философия фактически не знает.

Только Маркс и Энгельс, выделив рациональное зерно гегелевского учения о противоречии, разработали на основе громадного исторического и естественно-научного материала диалектико-материалистическое учение о борьбе противоположностей, как внутреннем содержании и движущей силе процесса развития природы и общества.

С учением Гегеля о противоречии неразрывно связан сформулированный им закон отрицания отрицания. Гегель утверждал, что в процессе развития закономерно происходит отрицание старого новым. Но это отрицание не есть простое уничтожение или отбрасывание предыдущей ступени развития: диалектический характер отрицания выражается в том, что оно является вместе с тем усвоением предшествующего содержания, дальнейшим его развитием. Далее, Гегель утверждал, что само отрицание в ходе развития должно также подвергнуться отрицанию, называя этот процесс отрицанием отрицания. Таким образом, процесс развития схематически может быть изображен в виде следующих трех ступеней, получивших название триады: тезис — антитезис — синтез, или отрицание отрицания.

Гегелевская попытка подчинить развитие однообразной триадической схеме является несостоятельной. Однако глубо-

[1] Цит. по книге: В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 115.
[2] Гегель. Соч., т. V, стр. 519.

кой диалектической догадкой является утверждение Гегеля о том, что отрицание является вместе с тем и сохранением определенных элементов предшествующей стадии развития. Так, революционное пролетарское отрицание капитализма означает, с одной стороны, уничтожение исторически изживших себя буржуазных производственных отношений, а с другой стороны — сохранение и дальнейшее развитие производительных сил, созданных капитализмом.

Гениальная диалектическая догадка содержится и в гегелевском положении об отрицании отрицания. Развитие не есть прямая линия так же как не есть оно круговорот, повторение пройденного. Гегель сравнивает путь развития со спиралью, в которой повторение является моментом восходящего движения. Мы знаем, что общественная собственность на средства производства составляла основу первобытно-общинного строя. В дальнейшем она подвергается отрицанию в связи с установлением рабовладельческого общества, базирующегося на частной собственности. Коммунизм, отрицая частную собственность, основывается на общественной собственности на средства производства. Но это, конечно, не есть повторение первобытно-общинного строя, это — качественно новая, высшая ступень общественного развития, являющаяся, употребляя гегелевское выражение, отрицанием отрицания. Основоположники марксизма-ленинизма, материалистически переработав гегелевское понимание отрицания отрицания, вскрыли действительное место этой закономерности в развитии природы и общества.

Одним из наиболее важных вопросов, поставленных Гегелем в его учении о сущности, является вопрос о таких категориях, как сущность и явление, необходимость и случайность, свобода и необходимость. Гегель показал, что все эти категории соотносительны, т. е. предполагают и взаимно дополняют друг друга. Вопреки метафизикам, которые противопоставляли явление и сущность, Гегель утверждал, что явление есть обнаружение сущности, которая не существует вне явлений. Сущность является, явление существенно. Поэтому ошибаются те философы, которые заявляют, что мы познаем лишь явления, а сущность якобы недоступна познанию. Познавая явления, мы познаем тем самым и сущность. Это не значит, конечно, что явление совпадает с сущностью: оно может давать даже превратное представление о сущности, выражать ее односторонне, искаженно. Но и в этом случае оно выражает сущность. Следовательно, и видимость, создающая обманчивое представление о действительном процессе (например, видимость движения Солнца вокруг Земли), коренится в самой сущности и только из нее может быть объяснена.

Взаимоотношения между явлениями и сущностью многообразны, как показывает Гегель. Явление представляет собой определенный единичный факт, сущность же есть нечто общее.

Но это общее не существует отдельно от единичного: не существует животного вообще, независимо от отдельных, единичных животных, каждое из которых в определенной мере содержит в себе нечто общее, присущее всему животному миру.

Положение Гегеля о неразрывной связи явления и сущности имеет громадное значение для опровержения агностицизма, т. е. учения о непознаваемости внешнего мира. Агностицизм всячески стремится доказать, что явления не связаны с сущностью, не выражают ее природы. Мы познаем одни лишь явления, говорит агностик, что же касается сущности, то она не проявляется, не обнаруживается, представляет собой непознаваемую «вещь в себе», как утверждал, например, один из предшественников Гегеля И. Кант. Именно в противовес Канту Гегель учил, что все является, обнаруживается, т. е. связано с другим, находится с ним в определенном отношении, взаимодействует с ним, превращается из одного состояния в другое, изменяется, развивается. Но отсюда следует, что нет никакой изолированной, не связанной с явлениями сущности, что различие между явлениями и сущностью не абсолютно, а относительно.

Материалистически истолковывая эти положения Гегеля, основоположники марксизма-ленинизма разъясняли, что благодаря познанию и материальной практической деятельности людей «вещь в себе» превращается в «вещь для нас», т. е. непознанное становится познанным и используется человеком. Еще в конце прошлого века внутриатомные процессы, составляющие сущность многих известных науке и практике явлений, представляли своеобразную «вещь в себе»: люди даже не знали о существовании этих процессов, о наличии сложной внутриатомной структуры. Ныне эта «вещь в себе» превратилась в «вещь для нас».

Следовательно, явление есть обнаружение сущности, и, познавая мир явлений, мы познаем сущность мира, а практическая материальная деятельность подтверждает истинность наших знаний.

Весьма важное место в характеристике сущности занимает вопрос об отношении необходимости и случайности. В предшествующей Гегелю философии этот вопрос ставился, в основном, метафизически: философы не видели связи, взаимозависимости между необходимостью и случайностью. Одни из них утверждали, что случайности вообще не существует и это слово употребляется человеком лишь для обозначения тех явлений, причины которых людям неизвестны.

Другие философы в известной мере допускали существование случайности, но утверждали, что она не имеет никакого отношения к необходимости: все, что существует, или необходимо или же случайно, третье — невозможно.

Гегель подверг глубокой критике метафизическое понимание вопроса об отношении случайности и необходимости. Из

того бесспорного факта, что все имеет причину и нет беспричинных явлений, отнюдь не вытекает вывода, что нет ничего случайного. Случайное — это не то, что не имеет причины (такого вообще не существует), а то, что не является необходимостью. «Мы соответственно этому,— писал Гегель,— рассматриваем случайное как нечто такое, что может быть и может также и не быть, которое может быть таким, а также и другим, чье бытие или небытие, бытие такого или другого рода, имеет свое основание не в нем самом, а в другом» [1].

Но Гегель не ограничивается разъяснением того, что случайности существуют объективно, поскольку не все имеющее причину обладает необходимостью. Гегель идет дальше. Он показывает, что случайное содержится в необходимом. Случайность является одной из форм проявления необходимости; необходимость не существует в чистом виде, без тех или иных случайных моментов, которые ее дополняют или ограничивают. Случайное становится необходимым, необходимость же, при определенных условиях, перестает быть необходимостью.

Энгельс высоко оценивает положения Гегеля о соотношении случайности и необходимости, указывая на значение этих положений для естествознания, в особенности для эволюционной теории, вскрывающей закономерности возникновения и развития животных и растительных видов. Столь же высоко оценивает Энгельс и глубокое диалектическое положение Гегеля — о связи свободы и необходимости. «Гегель,— писал Энгельс,— первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости. *«Слепа* необходимость, лишь *поскольку она не понята».* Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей... Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» [2].

Следует, однако, иметь в виду, что эти положения, сформулированные Энгельсом, мы находим у Гегеля в идеалистически-извращенной форме, поскольку природа рассматривается Гегелем как воплощение духа, а законы природы как законы разума. Так как сущностью мира и человека, по мнению Гегеля, является дух и этот дух, как первоначало, ни от чего не зависим, то свобода оказывается его собственной сущностью. И Гегель говорит, что «все свойства духа существуют лишь благодаря свободе, что все они являются лишь средствами для свободы» [3]. Противоположность свободы и необходимости ста-

---

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 243.
[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 107.
[3] Гегель. Соч., т. VIII, стр. 17.

новится у Гегеля противоположностью между духовным и материальным. Он утверждает, что свобода — сущность духа; необходимость же, скорее, относится к материи. Выходит в таком случае, что свобода первична, а необходимость вторична. На этом примере наглядно обнаруживается, как гегелевский идеализм извращает, ставит на голову, запутывает те глубокие, гениальные диалектические идеи, которые высказываются и обосновываются Гегелем. Свобода, конечно, не исключает необходимости, а, напротив, содержит ее в себе, ибо свободное действие не произвольно, а необходимо. Но отсюда, конечно, не следует, что свобода является источником необходимости, как получается в идеалистической системе Гегеля.

Выше уже говорилось о том, что понятие рассматривается Гегелем как основа вещей, свободно порождающая их из самой себя. Превращение необходимости в свободу образует, по учению Гегеля, переход от сущности к понятию, которое якобы составляет основу, или, как выражается Гегель, истину сущности.

Учение о понятии — третья часть логики Гегеля — представляет собой не что иное, как учение о процессе теоретического познания, который, однако, выдается Гегелем за высшую ступень «развития», самосознания «абсолютной идеи».

Характеризуя понятие, Гегель правильно отмечает, что оно не есть только общее, внутренне присущее явлениям. Общее, взятое само по себе, изолированно от того, что отличает одно явление от другого, бессодержательно. Все люди обладают мягкой мочкой уха. И хотя эта общая им всем особенность, несомненно, отличает их от животных, она не входит в понятие человека, вследствие своей несущественности. Лишь то общее, которое существенно, входит в содержание понятия. Но в реальной действительности общее, особенное и единичное неразрывно связаны друг с другом. Это единство различных сторон действительности и должно быть, как учит Гегель, выражено в понятии, суждении, умозаключении.

Гегель рассматривает понятие как непрерывное движение познания, обогащающегося новым знанием и все более приближающегося к истине. Он отмечает взаимозависимость понятий, их переход друг в друга, показывая, что истина выражает различные стороны действительности. Отсюда следует вывод: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Это положение Гегеля можно проиллюстрировать простым примером. Какова температура кипения воды? Обычно говорят — 100° по Цельсию. Да, но при обычном давлении и отсутствии в воде значительных примесей. В ином случае вода может кипеть и при 50° и при 150°, если существенно изменится давление. Известно, например, что такое изменение искусственно создается в паровых котлах. Следовательно, понятие о температуре кипения воды для того, чтобы быть истинным, должно охватывать не

только общие, но и особенные, изменяющиеся условия этого процесса. Иначе говоря, оно должно быть конкретным, а не абстрактным.

Гегелевское понимание абстрактного и конкретного является одним из наиболее важных моментов в той диалектической постановке вопросов познания, которая отличает его логику. Гегель осмеивает тех философов-метафизиков, которые не видят того, что мышление, создающее абстракции и оперирующее ими, может и должно быть конкретным. С точки зрения этих философов конкретны лишь ощущения, восприятия, мышление же, поскольку оно отвлекается от тех или иных сторон изучаемого предмета, абстрагирует, обобщает, не может быть конкретным. В небольшой статье «Кто мыслит абстрактно?» Гегель убедительно показывает, что абстрактно мыслят те люди, которые односторонне рассматривают и оценивают явления, не видят их многогранности, изменчивости. Эту мысль Гегель остроумно иллюстрирует примером разговора между покупательницей и торговкой яйцами: «— Эй, старая,— сказала покупательница торговке,— ты торгуешь тухлыми яйцами.— Что,— возразила она,— мои яйца тухлые? Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мои яйца? Ты! Будто твоего отца вши не заели, а мамаша твоя не якшалась с французами, будто бабка твоя не померла в госпитале! Ишь, целую простыню на свой платок извела; известно, небось, откуда у тебя все эти платки да шляпки. Если бы не офицеры, такие как ты не щеголяли бы в нарядах. Порядочные женщины больше за хозяйством смотрят, а таким как ты самое место в каталажке! Заштопала бы лучше дырки на чулках! — Короче говоря, ни единого зернышка хорошего она допустить в ней не может. Она мыслит абстрактно и подытоживает ее всю, начиная от ее шляпок и кончая платками и простынями, с головы до пят, вкупе с папашей и всей родней,— исключительно в свете того преступления, что она нашла ее яйца тухлыми. Все в ней оказывается окрашенным этими тухлыми яйцами, тогда как те офицеры, о которых торговка упоминала,— если они конечно, имеют сюда какое-нибудь отношение, что весьма сомнительно,— предпочли бы заметить в той совсем другие вещи» [1].

Итак, для того чтобы мышление было конкретным, оно не должно быть односторонним. Конкретное мышление охватывает предмет со всех сторон, раскрывает связь, взаимообусловленность между этими сторонами, показывает отношение предмета к другим предметам, рассматривает его в движении, изменении, развитии, выявляя его прошлое, предвосхищая его будущее и т. д. Само собой разумеется, что конкретное понимание

---

[1] Hegel. Sämtliche Werke. Zwanzigster Band, Stuttgart. 1930. S. 449—450.

того или иного явления всегда достигается лишь в результате длительного его изучения: оно не может быть достигнуто сразу, при первом знакомстве с предметом. Так, например, лишь благодаря длительному практическому употреблению и научному изучению каменного угля человек обнаружил не только его теплотворную способность, но и возможность добывать из каменного угля анилиновые краски и многие маслянистые, лекарственные, парфюмерные вещества.

Гегель правильно показал, что развитие теоретического познания идет от абстрактного к конкретному. Однако эту действительную открытую им закономерность Гегель истолковал идеалистически. Как отмечает Маркс, для Гегеля движение мышления от абстрактного к конкретному есть не что иное, как возникновение, развитие, образование конкретного. Но ведь каменный уголь со всеми его многообразными свойствами существовал задолго до всякого познания? Гегель, как известно, это отрицает: согласно его идеалистическому учению всякая вещь представляет собой продукт развития познания, осуществляемого «абсолютной идеей» (богом) при посредстве человеческой деятельности. Поэтому и получается, что развитие конкретного понятия о каменном угле (а понятие, по Гегелю, есть сущность вещи) означает образование, развитие всех этих многообразных свойств каменного угля. Понятие, как пытается доказать Гегель, творит действительность, в то время как на самом деле оно ее отражает.

Учение Гегеля о познании не ограничивается вопросом о роли понятия, о переходе от абстрактного к конкретному. Гегель ставит вопрос об отношении теоретического познания к практической деятельности, пытаясь на свой, идеалистический, лад вскрыть единство и взаимодействие между теорией и практикой. Правда, с точки зрения Гегеля, практика является не материальной, а духовной деятельностью и, в конечном счете, проявлением того же абсолютного, вездесущего мышления, или мирового разума. Тем не менее, Гегель вплотную подходит к важнейшей идее о решающей, определяющей роли практики в познании.

Домарксовские материалисты правильно подчеркивали тот основной факт, что познание предполагает воздействие предметов внешнего мира на человека, на его органы чувств. Однако эти материалисты не видели того, что основой познания является воздействие человека на окружающий мир, изменение человеком действительности, практика, производство.

Гегель подходил к познанию диалектически и благодаря этому он смог показать, что познание действительности и ее изменение неразрывно связаны друг с другом. Указывая на то, что у Гегеля практика является необходимым звеном в анализе процесса познания, В. И. Ленин подчеркивает: «Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий

практики в теорию познания...»[1]. Однако марксистское понимание практики в корне противоположно гегелевскому, поскольку для диалектического материализма практика есть *материальная* деятельность, в процессе которой люди применяют определенные материальные средства с целью изменения мира и его познания.

Таковы некоторые важнейшие положения гегелевской логики.

Философия природы Гегеля

Если логика, по мнению Гегеля, есть «наука об идее в себе и для себя», то философия природы характеризуется Гегелем как «наука об идее в ее инобытии». Гегель не объясняет, как происходит переход от «чистой» логической идеи к природе, он просто объявляет на последней странице своей «Логики», что «абсолютная идея», познав свое собственное содержание, *«решается из самое себя* свободно *отпустить* себя в качестве *природы»*[2]. Значит ли это, что было время, когда еще не существовало природы и «абсолютная идея» существовала сама по себе, так сказать, в чистом, обнаженном виде? На этот естественный вопрос мы не находим у Гегеля сколько-нибудь вразумительного ответа. Ведь «абсолютная идея», по Гегелю, существует вне времени. Да и природа, согласно гегелевскому идеализму, также существует вне времени. Но в таком случае нет оснований говорить о возникновении природы. Как же можно тогда утверждать, что «абсолютная идея» предшествует природе? Ведь и сам Гегель вынужден был признать, что «дух есть дух, лишь будучи опосредствован природой»[3], т. е., говоря проще, вне природы его не существует. И тем не менее Гегель солидаризируется с христианской догмой о сотворении мира богом из ничего. Он лишь переделывает эту христианскую догму на свой лад, чтобы согласовать ее с основными положениями своей идеалистической системы. Поэтому Гегель говорит: «Мир сотворен, сотворяется теперь и был вечно сотворен; эта вечность выступает перед нами в форме сохранения мира»[4].

Тремя основными проявлениями «абсолютной идеи» в природе, утверждает Гегель, являются механика, физика, органика. Характеризуя механику, Гегель рассматривает пространство, время, материю, движение, всемирное тяготение. Идеалистически истолковывая эти основные понятия науки, Гегель пытается логически вывести материю из времени и пространства, как нечто производное. Однако при этом он все же вынужден признать, что не существует пустых, незаполненных времени и пространства, из чего вопреки его идеалистическому утвержде-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 183.
[2] Гегель. Соч., т. I, стр. 344.
[3] Там же, стр. 295.
[4] Гегель. Соч., т. II, стр. 22. 1934.

нию следует, что время и пространство представляют собой формы существования материи.

Гегель также признает, что материя и движение неотделимы друг от друга. «Точно так же как нет движения без материи, так не существует материи без движения» [1]. Но при всем этом материя остается для Гегеля лишь внешним, доступным чувственному восприятию проявлением, обнаружением «абсолютной идеи». Да и само движение материи изображается Гегелем не как изменение, ведущее к развитию, а как простое перемещение в пространстве, повторение того, что существовало и раньше, круговорот.

В физике Гегель рассматривает небесные тела, свет, теплоту, химический процесс и т. п., пытаясь вскрыть связь между всеми этими процессами и показать, что все они являются последовательным, ступенчатым обнаружением порождающей их духовной сущности. В этой части натурфилософии Гегеля особенно много произвольных допущений, фантастических утверждений, наглядно свидетельствующих о неспособности идеализма научно обобщить данные естествознания. Характерно, например, что Гегель отвергал сложившееся уже в его время представление о химическом процессе, как взаимодействии атомов. Гегель отрицал также и тот факт, что вода состоит из водорода и кислорода, и пытался доказать, будто свет, магнетизм, электричество, в отличие от вещественных, телесных форм существования материи, представляют собой наглядные обнаружения духа в природе. Но наряду с этими, лишенными научного значения утверждениями, Гегель высказывает и некоторые глубокие догадки. Так, он приближается к пониманию электричества как особой формы движения материи и указывает на действие закона превращения количественных изменений в качественные в химическом процессе.

Третья часть философии природы — органическая физика — посвящена вопросам геологии, ботаники и зоологии. Здесь Гегель стремится показать, что переход от неживого к живому является завершением природного процесса: «Дух выходит таким образом из природы» [2]. Это значит, что природа является лишь низшей ступенью обнаружения и самопознания «абсолютной идеи», которую эта идея покидает, находя свое истинное воплощение в жизни общества. Однако Гегель не признает реального процесса развития органической материи и даже живых существ: все эти природные формы не возникают, по его мнению, друг из друга, поскольку источником каждой из них оказывается «абсолютная идея». И Гегель прямо выступает против эволюционных идей, развиваемых в XVIII веке французскими материалистами и некоторыми передовыми естество-

---

[1] Гегель. Соч., т. II, стр. 60.
[2] Там же, стр. 548.

испытателями. «Человек не развился из животного,— писал Гегель,— как и животное не развилось из растения; каждое существо есть сразу и целиком то, что оно есть» [1]. Таким образом, идеалистическое понимание природы, согласно которому материя есть нечто косное, инертное, производное от духа, приводило Гегеля к отрицанию развития несмотря на диалектику, которая возвышала Гегеля над метафизическими материалистами. Но эти материалисты, во всяком случае наиболее выдающиеся из них, доказывали возможность трансформации, взаимного превращения видов, возможность возникновения живого из неживого, в то время как Гегель фактически отрицал развитие природы, считая, что развитие присуще лишь понятию, познанию, идее.

Таким образом, философия природы Гегеля, несмотря на отдельные содержащиеся в ней глубокие диалектические догадки, весьма далека от действительно диалектического понимания природы как единого связного материального целого, непрерывно изменяющегося, развивающегося на основе внутренне присущих ей противоречий.

«Философия духа» Гегеля

Третья часть философской системы Гегеля — «Философия духа» — посвящена рассмотрению «абсолютной идеи» на заключительном этапе ее логического «развития», когда она, преодолевая чуждую ей материальную, природную оболочку приходит к самосознанию (к осознанию всего своего содержания) в ходе истории человечества, которая рассматривается философом как развитие духовной жизни людей и в особенности развитие познания. Речь идет, следовательно, о той же «абсолютной идее», которая, пройдя через природу и тем самым обогатившись, выступает в истории человечества как духовное содержание духовного процесса.

Это значит, как говорит Гегель, что идея возвращается «внутрь себя из своего инобытия» [2]. Все эти абстрактные, мудреные определения Гегеля представляют собой идеалистическое истолкование того общеизвестного, материализмом и естествознанием доказанного факта, что духовное есть высший продукт развития материального, свойство высокоорганизованной материи. Идеализм, конечно, не может согласиться, примириться с этим положением. Поэтому Гегель и утверждает, что духовное выше материального, отрицая тот несомненный факт, что оно есть отражение материальной действительности, составляющей его содержание.

Гегель утверждает, что сознание, мыслящий человек возникает из природы лишь потому, что в основе природы лежит нечто духовное — «абсолютная идея». Вследствие этого переход

[1] Гегель. Соч., т. II, стр. 356.
[2] Гегель. Соч., т. I, стр. 36.

от материи к сознанию, к человеку изображается Гегелем как обнаружение духа, внутренне присущего природе и ей же предшествующего. Таким образом, философия духа Гегеля есть не что иное как идеалистическое учение о развитии индивидуального и общественного сознания, об умственном развитии человечества вообще.

«Философия духа» складывается из учения о субъективном духе (антропология, феноменология, психология), учения об объективном духе (право, нравственность, государство) и учения об абсолютном духе как высшей ступени самопознания «абсолютной идеи» (искусство, религия, философия). Не входя в рассмотрение отдельных разделов «Философии духа», следует подчеркнуть, что история человечества изображается Гегелем как прогресс в сознании свободы; свобода, следовательно, рассматривается как человеческая «природа», сущность, которую человек осознает на протяжении всей своей многовековой истории и благодаря этому становится свободным. Это положение Гегеля, несомненно, заключало в себе исторически прогрессивное буржуазное содержание; оно говорило о том, что борьба за демократические свободы против феодального деспотизма составляет органическую потребность человечества. Но Гегель крайне абстрактно понимал свободу, преимущественно как свободу духа, мысли, интеллектуальную свободу личности. Такое идеалистическое понимание свободы теоретически приводило к недооценке экономических и политических условий ликвидации феодального гнета.

Всю мировую историю Гегель разделял на три основных эпохи: восточную, античную и германскую. В восточном мире человек-де еще не осознал, что свобода является его сущностью; поэтому здесь, по утверждению Гегеля, все — рабы. В античном мире (древняя Греция, древний Рим) некоторые осознали, что свобода составляет их сущность; они-то и являются свободными в отличие от тех, которые не сознают своей природы и поэтому остаются рабами. Характерно при этом, что Гегель, как идеалист, фактически игнорирует связь рабства с определенными экономическими условиями. Гегель выводит рабство из сознания людей, утверждая, подобно идеологам античного общества, что «самосознание, *которое предпочитает жизнь свободе*, вступает в отношение *рабства*»[1]. В основе рабства лежит, следовательно, рабское сознание; действительное отношение здесь поставлено на голову: бытие выводится из сознания. Наконец, в германском, или христианском, мире все, по мнению Гегеля, сознают свою духовную сущность и поэтому здесь все свободны.

Объявляя, что свобода уже достигнута так называемыми германскими народами и прежде всего немцами, Гегель не

---

[1] Гегель. Введение в философию, стр. 92. 1927.

только извращал понятие свободы, но и до крайности ограничивал задачи буржуазно-демократического преобразования общества. Для достижения этой всеобщей свободы, по мнению Гегеля, нет необходимости уничтожать феодальную собственность, сословия, монархию: для этого-де достаточно ликвидации крепостного права, установления свободы совести и некоторых гражданских свобод, а также ограничения монархии конституцией. Именно создание прусской конституционной монархии представлялось Гегелю вершиной общественного прогресса и это, конечно, весьма показательно для идеолога немецкой буржуазии начала XIX века, пресмыкавшейся перед феодальной реакцией. Столь же реакционной чертой философии истории Гегеля является возвеличение германских народов, в особенности немцев, и связанное с ним пренебрежительное отношение к народам Востока, которые изображаются Гегелем как якобы не имеющие будущего, навсегда остановившиеся в своем развитии.

Характерно, что государство рассматривается Гегелем как высшее воплощение свободы и более того — как шествие бога («абсолютной идеи») по Земле. Такое понимание государства, хоть и направленное против феодального произвола мелких немецких князьков, вместе с тем было глубоко враждебно делу революционной борьбы против существовавших в Германии феодальных государств. Поскольку государство объявлялось высшей разумной силой общественного развития, постольку заранее осуждалась революционная инициатива «низов», решающая роль народных масс в истории. Кроме того, это идеалистическое понимание сущности государства смазывало его классовую природу — господство эксплуататоров над эксплуатируемыми. Аппарат классового господства, диктатура эксплуататорских классов всячески идеализировались Гегелем. И это, бесспорно, было одной из наиболее реакционных черт гегелевского учения об обществе.

Искусство, религию и философию Гегель оценивал как высшие формы самосознания «абсолютной идеи» — в них, собственно, по мнению Гегеля, завершается всемирная история и человечество выступает как «абсолютный дух», в котором мировой разум осознает себя и самоудовлетворяется. Философию (и, в известной мере, также и науку вообще) Гегель рассматривал как наиболее глубокое и окончательное выражение истины, противопоставляя ее в этом отношении религии. Однако и религия, по мнению Гегеля, содержит истину, но лишь в форме чувственного, так сказать, наивного, образного представления. Поэтому, хотя философия, научное познание вообще, по мнению Гегеля, выше религии,— содержание науки в конечном счете совпадает с содержанием религиозного учения, поскольку и там и тут предметом познания оказывается «абсолютная идея», обозначающая в системе Гегеля и бога, и мир в

целом. Гегель, следовательно, игнорирует коренную противоположность науки и религии, не видит величайшего прогрессивного значения той борьбы, которую наука на протяжении веков вела против религиозного мировоззрения. Религия, которую Гегель возвышает над искусством, оказывается в гегелевской идеалистической философии своеобразным учением об истине. Так идеалистическое мировоззрение Гегеля приводит с неизбежностью к реакционному оправданию религии.

В гегелевской «Философии духа» особенно ярко сказались свойственные этому мыслителю и немецкой буржуазии того времени вообще консервативные, а частью и прямо реакционные, взгляды. Тем не менее было бы неправильно перечеркивать эту часть философской системы Гегеля и связанные с нею такие произведения Гегеля, как «Философия истории», «Философия права», «Эстетика» и т. д. И в этих произведениях мы находим прогрессивные идеи, теоретическое обоснование необходимости буржуазного развития Германии. И здесь мы повсеместно обнаруживаем глубокие диалектические положения.

Таковы основные положения диалектического идеализма Гегеля.

СИСТЕМА И МЕТОД ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ. РАЦИОНАЛЬНОЕ ЗЕРНО ГЕГЕЛЕВСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Изложение основных положений философского учения Гегеля показывает, что в этой философии необходимо строго разграничивать и отличать друг от друга гегелевский диалектический метод, являющийся прогрессивной стороной его учения, и гегелевскую систему (или, как сам он называл ее, «энциклопедию философских наук»), которая носит консервативный характер.

Как и многие другие домарксистские философы, Гегель полагал, что философия отличается от других наук тем, что она призвана дать законченное, абсолютное знание действительности. Обосновывая эту исключительную задачу, якобы стоящую перед философией, Гегель, как уже указывалось выше, утверждал, что именно в философии «абсолютная идея» приходит к самосознанию, вследствие чего только философия и может быть названа подлинной наукой об истине. Положения других наук основаны на наблюдениях, экспериментах, доказательствах, которые всегда могут быть в процессе развития науки дополнены, изменены или даже опровергнуты. Философия же, по мнению Гегеля, имеет дело не с фактами, а с понятием (составляющим якобы всеобщую сущность всего существующего); поэтому только философия есть наука об абсолютном и, соответственно этому, система абсолютного знания.

Пытаясь обосновать правомерность такого противопоставления философии конкретным наукам, Гегель утверждал, что

философия имеет своим предметом «абсолютную идею», в то время как остальные науки изучают лишь более или менее внешние, преходящие, конечные ее обнаружения, проявления, в которых «абсолютная идея» (т. е. сущность и основа всего существующего) не получает не только полного, но и истинного, правильного выражения. Гегель, следовательно, противопоставлял друг другу познание всеобщего, которым занимается философия, и познание особенного и единичного, как предмет всех других наук. Это не значит, конечно, что Гегель отвергал содержание положительных наук и считал, что философия вовсе не должна с ними считаться. Гегель неоднократно подчеркивал, что философское обобщение действительности «не есть дело произвола, капризное желание пройтись для перемены разочек на голове, после того, как долго ходили на ногах...» [1]. Однако на деле противопоставление идеалистической философии материалистической, в своей основе, науке о природе неизбежно вело к извращению естественно-научных знаний в угоду предвзятой, искусственной философской конструкции. Очевидно также и то, что противопоставляя философию, как учение о мире в целом и его познании, отдельным наукам, изучающим отдельные области действительности, Гегель ставил перед философией задачу теоретического обобщения данных науки, задачу создания целостного, логически обоснованного мировоззрения. В этом заключался положительный момент в гегелевской постановке вопроса об отношении философии к другим наукам. Но все дело в том, что эта задача создания теоретически обоснованного, опирающегося на данные науки мировоззрения ставилась и решалась Гегелем с идеалистических позиций, следствием чего вместо научного мировоззрения им разрабатывалась идеалистическая система абсолютных истин, противоречащая как содержанию, так и методам научного познания.

Претензия Гегеля на создание всеохватывающей философской системы абсолютных знаний, системы, которая не только подытоживает данные других наук, но и принципиально предвосхищает все возможное в будущем развитие научного познания, была совершенно несостоятельной. То, что науки о природе и обществе не дают нам системы абсолютного знания в последней инстанции, не является их недостатком. Напротив, в этом положительная сторона науки, которая не успокаивается на достигнутом, не абсолютизирует достигнутых ею результатов и сознает возможность и необходимость итти вперед, к новым открытиям, к познанию новых закономерностей, количество которых не может быть ограничено. И философия, если она хочет быть наукой, не должна абсолютизировать достигнутые ею результаты и выдавать их за абсолютные истины в последней инстанции, к которым нечего больше прибавить.

---

[1] Гегель, Соч., т. II, стр. 16.

Следует, правда, отметить, что когда Гегель говорил о предшествующих ему философских системах, он вполне сознавал и подчеркивал их историческую ограниченность, доказывая, что философское знание, как и знание вообще, развивается, обогащается. Но все дело в том, что свою собственную философскую систему Гегель ставил в исключительное положение, рассматривая ее как завершение процесса познания «абсолютной идеей» своего собственного содержания, как последнюю ступень развития мирового разума. Последовательное проведение этой ложной, идеалистической установки привело Гегеля к утверждению, что во всех областях развитие достигает абсолютного предела, поскольку «абсолютная идея» должна же, наконец, познать самое себя. В силу этого философская система Гегеля (в отличие от его метода — диалектики, имевшей громадное прогрессивное значение) приобрела консервативный, а частью даже реакционный характер. Тем не менее, как указывает Энгельс, «гегелевская система охватила несравненно более широкую область, чем какая бы то ни было прежняя система, и развила в этой области еще и поныне поражающее богатство мыслей» [1].

Итак, если гегелевская диалектика учит, что развитие всеобще, то гегелевская философская система отрицает всеобщность развития, поскольку природа, по Гегелю, не развивается, существует вне времени и лишь разнообразится в пространстве. Такое, в значительной мере метафизическое, понимание природы с логической необходимостью вытекало из исходных идеалистических положений Гегеля, из его философской системы.

Гегель писал, что связь явлений природы носит логический, а не физический характер, т. е. это связь мыслей, моментов понятия, а не самих вещей. И хотя в природе имеются, как указывал Гегель, низшие и высшие ступени развития, тем не менее «здесь нет *естественного,* физического процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основу природы. *Метаморфозе* подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения представляют собой развитие» [2]. Не трудно видеть, что идеалистическое понимание природы и по существу метафизическое отрицание развития материи, материальных явлений неразрывно связаны друг с другом в гегелевской философии. Не случайно поэтому и то, что философия природы Гегеля противоречит основным принципам диалектики. Как подчеркивает Энгельс, «так повелевала система, и ради системы метод должен был изменить самому себе» [3].

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 345.

[2] Гегель, Соч., т. II, стр. 28.

[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 355.

Это же противоречие между содержанием, структурой, основными выводами системы и диалектическим методом имеет место не только в «Философии природы», но и в «Философии духа», а также в «Логике», специально посвященной изложению диалектического метода, поскольку Гегель провозглашает «абсолютной истиной» все догматическое содержание своей системы. Если диалектика утверждает, что развитие не имеет предела, то гегелевская философская система ставит предел развитию мышления (формы которого, по мнению Гегеля, исчерпываются в «Науке логики»), развитию познания вообще (якобы завершающегося созданием гегелевской философии), развитию общества, пределом которого Гегель считал... установление конституционной монархии и связанное с нею ограниченное преобразование общества, в особенности его политических учреждений, в буржуазном духе.

Налицо, следовательно, глубокое противоречие между философской системой Гегеля и его диалектическим методом, между консервативной и прогрессивной сторонами его философского учения. Это противоречие есть прежде всего противоречие между догматическими и по существу метафизическими выводами гегелевской философии и диалектическими принципами, из которых исходит гегелевский метод. Но дело не только в конечных выводах, которые противоречат исходным пунктам. И сама диалектика Гегеля была весьма непоследовательна в силу своего идеалистического характера. Энгельс указывал, что в диалектике Гегеля имеет место, так же как и в его системе, извращение реальных отношений, существующих в действительности.

Основоположники марксизма-ленинизма подвергли глубочайшей критике гегелевскую *идеалистическую* диалектику, выделили заключающееся в ней «рациональное зерно» и на базе обобщения данных науки и практики создали материалистическую диалектику, в корне противоположную гегелевскому методу. Диалектический материализм доказал, что последовательная, научная диалектика принципиально несовместима с идеалистическим мировоззрением. Именно поэтому гегелевская попытка совместить идеализм и диалектику выражала его буржуазную ограниченность и не могла не привести к вышеуказанному противоречию между методом и системой. Как идеолог немецкой буржуазии Гегель неизбежно должен был ограничить и в значительной мере нейтрализовать революционные требования и выводы, логически следующие из последовательно диалектического подхода к существующему. Так, половинчатость немецкой буржуазии, ее стремление к компромиссу с дворянством получили свое философское, абстрактное отражение в противоречии между системой и методом, внутренне присущем философии Гегеля.

Следует, однако, иметь в виду, что последовательная, науч-

ная диалектика в силу своей непреклонной революционности неприемлема для всякой буржуазии, для всякого эксплуататорского класса вообще. Лишь пролетариат, решительно враждебный всем устоям эксплуататорского общества, враждебный всякой (в том числе и мелкобуржуазной) частной собственности на средства производства, безбоязненно приемлет диалектическое миропонимание, диалектический подход к действительности. «Для диалектической философии,— говорит Энгельс, имея в виду последовательное, научное проведение принципов диалектики,— нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу» [1]. Достаточно вдуматься в это глубочайшее революционное философское положение, для того чтобы стало непосредственно очевидно, насколько противоречит оно всему догматическому содержанию философии Гегеля, а тем более ее конечным выводам и крайне ограниченным, консервативным политическим идеалам. А между тем это положение, как отмечает Энгельс, является выводом, к которому неизбежно приводит гегелевский метод. Этого вывода в столь определенной и резкой форме Гегель, конечно, никогда не делал.

Критикуя идеалистическую диалектику Гегеля, основоположники марксизма-ленинизма постоянно отмечали ее абстрактный, умозрительный характер, поскольку Гегель не видел реальной диалектики материальных процессов в природе, диалектики производительных сил и производственных отношений, классовой борьбы, социальных революций. В философии Гегеля речь идет лишь о движении, взаимопревращении, противоречивом раздвоении понятий, мыслей, процесса познания. Однако, как указывает В. И. Ленин, в движении и взаимозависимости понятий, в переходах одного понятия в другое Гегель гениально угадал именно такое же отношение вещей, явлений в объективной действительности. Иначе говоря, Гегель выводил закономерности мира из его отражения в мышлении, которое рассматривалось идеалистически, т. е. не как отражение внешнего мира, а как его мистическая сущность. Необходимо было, как это сделали Маркс и Энгельс, встать на новые классовые, пролетарские позиции и подвергнуть гегелевский идеализм непримиримой материалистической критике, чтобы вскрыть зерно глубокой истины в мистической шелухе гегельянщины.

Основоположники марксизма-ленинизма многократно отмечали, что Гегель приспосабливал свою диалектику к нуждам непомерно разросшейся консервативной системы. Следствием

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 343—344.

этого было то, что диалектика Гегеля не была до конца непримиримой к метафизике. Гегелевская диалектика утверждала, что единственным способом разрешения противоречий является мышление, познание, принижая тем самым значение борьбы противоположностей, борьбы между новым и старым, отживающим и развивающимся.

Свою диалектику Гегель применял главным образом для выведения настоящего из прошлого, для исследования происхождения существующего в данное время. Но он никогда не применял ее как революционно-критический метод, включающий в свое понимание настоящего и момент его отрицания, устремленность в будущее. В этом смысле диалектика Гегеля была обращена в прошлое и в силу своего идеалистического характера была фактически неприменима к характеристике современности, а тем более будущего развития.

Что же составляет рациональное зерно гегелевской идеалистической диалектики? Подытоживая изложенное выше при характеристике гегелевской логики, философии природы и философии духа, можно сказать, что рациональным зерном гегелевской диалектики являются гениальные догадки Гегеля о взаимосвязи, движении, развитии явлений, о противоречии как источнике движения, развития, о превращении количественных изменений в качественные, о природе теоретического мышления, логических форм и категорий, через которые оно осуществляется. «Гегель,— говорил В. И. Ленин,— гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*) в диалектике понятий». И далее: «Именно *угадал* не больше» [1].

Весьма важным и в основе своей глубоко рациональным является обосновываемое Гегелем понимание метода науки. Гегель выступил против метафизического представления о методе, как совокупности искусственных, якобы изобретенных человеком приемов, являющихся чем-то вроде отмычки. С точки зрения Гегеля, метод не есть «дело нашего произвола», ибо характер нашего подхода к изучаемому явлению зависит «от формы самого подлежащего изучению предмета». Но отсюда следует вывод, что метод исследования нельзя понимать как нечто независимое от предмета исследования, чисто субъективное, имеющее отношение лишь к человеческому разуму. Метод должен быть отражением реальной связи, движения, развития явлений объективного мира — такой важный материалистический вывод вытекает из этих положений. Гегель, конечно, не делает такого вывода: положение об объективном содержании метода получает у него мистическое выражение, поскольку само познание изображается как деятельность «абсолютной идеи», вследствие чего и метод определяется, как «сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания» [2].

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 169.
[2] Гегель. Соч., т. V, стр. 33.

Основоположники марксизма-ленинизма, отбросив гегелевский идеализм, вскрыли рациональное зерно в гегелевском понимании сущности научного метода. Диалектический материализм учит, что наш подход к изучению действительности не является делом произвола: мы рассматриваем явления в их взаимосвязи, движении, развитии не потому, что так нам удобнее, а потому, что сами явления связаны друг с другом, движутся, изменяются, развиваются. Это значит, что метод изучения «продиктован» нам самой объективной реальностью, а его основные черты и требования являются отражением объективных законов самой действительности. Поэтому Энгельс говорит, что диалектика как метод представляет собой аналог объективных процессов; эту аналогию между процессами мышления и объективными, вне сознания совершающимися процессами Гегель принял за тождество. В действительности, существует объективная и субъективная диалектика — диалектика, господствующая в объективном мире, и диалектика нашего мышления; они имеют одно и то же объективное содержание, но вместе с тем качественно отличаются друг от друга, как материя и сознание. Диалектический материализм представляет собой и метод и теорию — то и другое сливается в нем воедино, поскольку диалектико-материалистическое понимание объективного мира является вместе с тем и единственно научным подходом к его исследованию, изучению.

Вопреки своим догматическим претензиям на абсолютную истину в последней инстанции, Гегель, правда, в идеалистически-извращенной форме, но все же показал, что познание есть исторический процесс и истина поэтому не является раз навсегда данным, готовым результатом познания, но также развивается, изменяется. Идеалистически истолковывая логический процесс познания как непрерывное творение объективной действительности, Гегель вопреки этому фантастическому представлению о природе мышления все же поставил вопрос о том, что логические формы не являются чисто субъективными. И это правильно в том смысле, что логические формы, присущие лишь человеку (что, конечно, отрицалось Гегелем), отражают определенные отношения, имеющие место в самой объективной реальности.

Выше уже говорилось о гегелевском диалектическом понимании философских категорий, что также относится к рациональным моментам гегелевской диалектики. Таким образом, в понятие «рациональное зерно» идеалистической диалектики Гегеля входит большой круг вопросов, относящихся к пониманию наиболее общих законов развития природы, общества и познания. Однако все эти вопросы, ставившиеся Гегелем с позиций идеализма, могли получить действительное решение лишь на почве материалистической философии, материалистически применяющей диалектический метод. У Гегеля, говорил Маркс,

диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

Материалистически перерабатывая рациональные идеи гегелевской идеалистической диалектики, основоположники марксизма-ленинизма на место идеалистического принципа тождества бытия и мышления поставили материалистический принцип отражения в сознании человека объективной, существующей вне и независимо от сознания человека реальности. Применив диалектику к пониманию процесса отражения, основоположники марксизма-ленинизма создали диалектико-материалистическую теорию познания и логику, указывающие действительные пути и средства познания объективной диалектики, господствующей в природе и обществе. Но это, вместе с тем, означало и создание нового, в корне противоположного гегелевскому, метода познания действительности.

«Мой диалектический метод,— писал Маркс,— не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург [творец, созидатель] действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1].

Основоположники марксизма-ленинизма создали и обосновали научное, диалектико-материалистическое понимание природы и общества, применили диалектику не только к прошлому, но и к современному и к будущему развитию человеческого общества и доказали неизбежность революционного, коммунистического преобразования общества. Марксистско-ленинская философия — диалектический и исторический материализм — есть наука о наиболее общих законах развития природы, общества и познания, наука, не только объясняющая мир, но и теоретически обосновывающая пути его преобразования в интересах трудящихся.

ГЕГЕЛЬ И СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Характеризуя историческое значение философии Гегеля, Энгельс писал: «Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку она мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия. Остались только диалектический способ мышления и понимание всего естественного, исторического и интеллектуального мира, как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и уничтожения. Теперь не только перед философией, но и перед *всеми* науками было поставлено требо-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 19. Госполитиздат. 1955.

вание открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области. И в этом заключалось наследие, оставленное гегелевской философией своим преемникам»[1].

Известно, что буржуазная философия пренебрегала идейно-теоретическим наследием философии Гегеля. Последний великий представитель немецкой классической философии Л. Фейербах подверг критике гегелевский идеализм, восстановил в правах материалистическую философию, но не смог придать ей новой, диалектической формы. Только Маркс и Энгельс — основоположники научной идеологии рабочего класса,— революционно-критически переработав диалектику Гегеля и подытожив развитие науки и исторический опыт, создали принципиально новое диалектико-материалистическое философское мировоззрение, осуществив тем самым великий революционный переворот в философии и положив начало новой всемирно-исторической эпохе философского развития. Что же касается буржуазной философии, то она достигнув в учении Гегеля и, далее, в материализме Фейербаха высшей ступени своего развития, в дальнейшем, начиная со второй половины XIX века, развивается уже по нисходящей линии, деградирует, порывая с прогрессивными философскими традициями своего исторического прошлого. Эта деградация буржуазной философии отражает переход капитализма на свою высшую и последнюю империалистическую стадию, стадию умирающего, загнивающего, агонизирующего капитализма.

Соответственно этому усиливается и загнивание буржуазной философии, которое в настоящее время настолько очевидно, что о нем вынуждены говорить и сами буржуазные философы, во всяком случае, наиболее откровенные и проницательные из них. Гегель, при всей своей классовой непоследовательности и половинчатости, был убежденным представителем интеллектуализма, учения, согласно которому разум, научное познание действительности являются могущественными силами человека, способствующими общественному прогрессу. Великий немецкий мыслитель решительно разоблачал агностицизм (учение о непознаваемости мира), который возводит «отказ от познания истины в высший триумф духа». В противовес скептикам и агностикам Гегель оптимистически утверждал: «Скрытая сущность вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими»[2].

В отличие от Гегеля современные буржуазные философы в

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 23—24.
[2] Гегель. Соч., т. I, стр. 16.

своем подавляющем большинстве отвергают значение разума для познания мира. Эти философы утверждают, что культ разума обанкротился, ибо действительность неразумна, хаотична, лишена каких бы то ни было объективных закономерностей, непознаваема, а человеческий разум является скорее губительной, чем помогающей человеку, духовной силой. Некоторые из этих буржуазных философов противопоставляют разуму, мышлению инстинкт, религиозную веру, отрицая познавательное значение логики, логического мышления и утверждая даже, что познание, если оно и возможно, неизбежно приводит ученого в тупик.

Стремясь принизить принципиальное мировоззренческое значение научного познания, эти философствующие реакционеры утверждают, что наука не является отображением действительности, что она дает нам не истину, а просто определенные правила, приемы, условия, знаки, применение и использование которых приводит к успеху, к достижению заранее поставленной цели. Принижая науку и истину, реакционные философы рекомендуют в качестве духовной пищи религию.

Н. Г. Чернышевский глубоко верно указал на то, что историческое значение философии Гегеля было неразрывно связано с тем пафосом истины, который наполняет все ее содержание. Гегель, как подчеркивает Чернышевский, был глубоко убежден в том, что истина составляет верховную цель мышления и благороднейшее из человеческих устремлений; какова бы ни была истина, она лучше всего что неистинно; первый долг мыслителя: не отступать ни перед какими результатами; он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими мнениями. Заблуждение — источник всякой пагубы; истина — верховное благо и источник всех других благ. Характеризуя эти положения Гегеля, Чернышевский писал: «Чтобы оценить чрезвычайную важность этого требования, общего всей немецкой философии со времени Канта, но особенно энергически высказанного Гегелем, надобно вспомнить, какими странными и узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних школ: они принимались философствовать не иначе, как затем, чтобы «оправдать дорогие для них убеждения», т. е. искали не истины, а поддержки своим предубеждениям... Гегель жестоко изобличал эту пустую и вредную забаву» [1].

В отличие от Гегеля большинство современных буржуазных философов, отрицая возможности познания, осмеивают уважение к истине как некое идолопоклонство.

Английский философ — субъективный идеалист Ф. Шиллер, утверждает, что человек принципиально не способен отличить иллюзию, сновидение от реальности. Он утверждает, что ко-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, стр. 452, 453. Государственное социально-экономическое издательство. 1938.

роль, который спит 12 часов в сутки и видит себя во сне нищим, и нищий, который спит 12 часов в сутки и видит себя во сне королем, фактически находятся в совершенно одинаковом положении. По мнению Шиллера и других субъективных идеалистов, истина носит субъективный характер и представляет собой лишь общепринятое, не вызывающее возражений высказывание. Так, например, американские философы-прагматисты утверждают, что истина — все то, что полезно, приятно, доставляет определенное удовлетворение, является средством для достижения известной цели, поставленной субъектом. С этой точки зрения выходит, что все, что не нравится субъекту, все, что противоречит его интересам, следует считать заблуждением. Конечно, такая точка зрения весьма выгодна реакционерам, закрывающим глаза на факты, не смеющим глядеть в лицо истине. Империалисты и их идеологи отрицают существование антагонистических классов, диктатуры капитала, эксплуатации, национального и колониального гнета — все эти факты объявляются мнением, точкой зрения и т. д. И те же империалисты и их идеологи утверждают, что капитализм означает всеобщее благоденствие, разрешение всех социальных противоречий и т. д.

Диалектический материализм учит, что истина объективна, т. е. независима от сознания и воли людей; истина есть объективно правильное отражение действительности, объективное содержание наших представлений и понятий. Так, гелиоцентрическая система Коперника является истинной, а геоцентрическая система Птолемея — заблуждением не потому, что первая более удобна, чем вторая: планеты действительно, как об этом свидетельствуют данные науки и практики, обращаются вокруг Солнца. Признание объективной истины глубоко враждебно современной буржуазной философии, но оно не чуждо философии Гегеля, который, несмотря на идеалистическое отрицание независимой от мышления реальности, все же утверждал, что истина есть «согласующееся с *объектом* знание», хотя и неправильно, идеалистически понимал это согласие как соответствие объективности понятию.

«Истина,— говорил Гегель,— есть великое слово и еще более великий предмет. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь» [1]. Эта высокая оценка значения истины и ее познания наглядно противопоставляет Гегеля современным буржуазным философам.

Философия Гегеля, несмотря на ее идеалистический характер, была глубоко враждебна средневековью и его схоластической философии. Гегель говорил, что схоластика, пренебрежительно относящаяся к природе, к опыту и опирающаяся преимущественно на авторитет священного писания, строго говоря,

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 40.

не является философией. Гегель писал, что «схоластика представляет собою варварскую философию рассудка, лишенную всякого реального содержания»[1]. В противовес средневековой идеологии Гегель утверждал, что философия выше религии, хотя, будучи идеалистом, он неизбежно приходил к выводу о родственности их содержания. В отличие от Гегеля современные буржуазные философы, как правило, высоко оценивают средневековую схоластику и, больше того, возрождают, обновляют средневековые философские идеи, утверждая, что только этот путь может вывести философию из тупика.

Известный французский философ-иррационалист А. Бергсон, выражая эту антиинтеллектуалистическую, средневековую тенденцию современной буржуазной философии, утверждал, что «религия является оборонительной реакцией природы против разлагающей силы разума»[2]. Разум, следовательно, изображается Бергсоном и другими философами-реакционерами как разлагающая сила, являющаяся якобы источником всех тех социальных несчастий, которые принес с собой капитализм. Сваливая с больной головы на здоровую, идеологи империалистической реакции обвиняют человеческий разум, вместо того чтобы выносить обвинительный приговор изжившей себя капиталистической системе.

В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин всесторонне вскрыл реакционную сущность новейших буржуазных философских течений, показав, что последним словом буржуазной философии конца XIX и начала XX веков является фидеизм — учение, подчиняющее разум вере и, следовательно, солидаризующееся, в конечном итоге, со средневековым представлением об отношении науки к религии.

Далеко не случайно поэтому то обстоятельство, что одним из наиболее влиятельных направлений современной буржуазной философии является неотомизм, или неосхоластика, возрождающий схоластическую философию средневекового мыслителя Фомы Аквинского, возведенного католической церковью в «святые». «Назад к Фоме Аквинскому!» — таков лозунг этих философствующих реакционеров. Неотомисты утверждают, что наука находится в «гармонии» с религиозным взглядом на мир, а борьба науки против религии была просто историческим заблуждением. Современные проповедники средневековой философии обвиняют Гегеля и других великих мыслителей прошлого в чрезмерно высокой оценке разума, из чего неизбежно следует недооценка религии. Гегелевское обожествление разума при всей своей научной несостоятельности представляется этим мракобесам кощунственным покушением на могущество божие.

---

[1] Гегель. Соч., т. XI, стр. 154. 1935.

[2] A. Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1932, p. 127.

Средневековые философские идеи проповедуют не одни только неотомисты, но и многие другие шкслки и направления современной буржуазной философии. Так, известный американский буржуазный философ Д. Сантаяна доказывает, что религия представляет собой ни с чем не сравнимую историческую, моральную и эстетическую ценность. Он характеризует религию как «полезный человеческий опыт, истолкованный человеческим воображением». Свою философию Сантаяна называет ортодоксально-схоластической и пытается под флагом «натурализма» возродить средневековое учение о том, что универсалии (общие понятия) предшествуют вещам и являются их вневременными, сверхматериальными потусторонними причинами. Особенно ратуют за возрождение средневековых философских идей представители современной идеалистической философии персонализма, весьма распространенной в США. По учению персоналистов, вселенная является совокупностью многих духовных личностей, индивидуальностей, персон, образующих иерархию, которую увенчивает абсолютная божественная персона. Не трудно понять, что такого рода идеалистическая концепция прямо и непосредственно низводит философию до уровня служанки богословия. Персоналист Флюэллинг откровенно заявляет: «Лучшее, что может сделать философия, это доказать разумность признания бога». Его соратник Брайтмен провозглашает «современное» (т. е. буржуазное) мышление «конгениальным» (родственным) средневековой схоластике. Персоналист Хокинг призывает церковников к походу против науки. Осуждая тактику «обороны», Хокинг требует, чтобы естествоиспытатели сами проповедовали евангелие.

Характерно, что и те философы, например, неогегельянцы, которые официально выступают как преемники Гегеля, продолжатели его учения, обрабатывают Гегеля в духе средневекового принижения разума и логики. Если Гегель утверждал, что мир разумен, закономерен, логичен, то неогегельянцы, пытаясь представить Гегеля иррационалистом (противником разума), изображают действительность как лишенное закономерности, хаотическое движение каких-то слепых, рационально непознаваемых сверхприродных сил. Гегелевское учение о противоречии как движущей силе развития изображается неогегельянцами как учение, противоречащее разуму и логике, как наглядное свидетельство иррационалистического характера гегелевской философии. Гегель утверждал, что противоречия могут и должны быть разрешены; вопреки Гегелю, неогегельянцы пытаются доказать, что противоречия принципиально неразрешимы и вследствие этого носят «трагический» характер.

Философия Гегеля глубоко проникнута историческим оптимизмом, глубокой верой в возможность разумного общественного устройства. Все действительное, необходимое, любил повторять Гегель, разумно; все разумное — действительно, необ-

ходимо. В противовес Гегелю современная буржуазная философия проповедует неверие в будущее человечества и пытается доказать, что пессимизм является единственно правильным, подлинно философским воззрением на действительность. Такого рода концепцию пропагандируют, например представители экзистенциализма (философии существования).

Немецкий экзистенциалист К. Ясперс пишет, обосновывая философию пессимизма: «Все это выглядит так, как будто мы вновь и вновь тщетно стараемся поселиться на вулкане, извержение которого наступит неизбежно, но неизвестно когда и как» [1]. Совершенно очевидно, что источником этого пессимизма является буржуазный страх перед будущим, предчувствие неизбежности гибели капиталистического мира.

Таким образом, современная буржуазная философия глубоко враждебна тем замечательным идеям, которые составляют рациональное зерно гегелевской диалектики. Лишь реакционные идеи Гегеля, в особенности свойственное Гегелю обожествление государства, воспринимаются и проповедуются современными буржуазными философами. И это, конечно, не случайно. Современная буржуазная философия глубоко проникнута столь чуждыми Гегелю и другим великим философам XVII—XIX веков идеями скептицизма, нигилизма, разложения. Нет в ней больше гордой веры в человека, в могущество его разума, в закономерность прогрессивного развития общества. Действительным преемником и продолжателем всего лучшего из того, что было создано домарксистской философией, является великое философское учение Маркса, Энгельса, Ленина — диалектический и исторический материализм.

---

[1] K. Jaspers. Rechenschaft und Ausblick. München, 1954, S. 280.

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ЗНАНИЕ»

подготовлены к печати и в скором времени выйдут в свет следующие брошюры-лекции:

Кандидат исторических наук Ф. Т. КОНСТАНТИНОВ. «О своеобразии форм перехода различных стран к социализму».

Брошюра знакомит читателя со своеобразием форм перехода от капитализма к социализму в нашей стране и странах народной демократии и показывает закономерность еще большего разнообразия форм перехода к социализму в будущем.

Автор, используя большой фактический материал, характеризует своеобразие социалистического строительства в различных странах народной демократии.

Профессор И. Т. ГОЛЯКОВ. «Конституция СССР — конституция победившего социализма».

Брошюра издается к 20-летию Конституции СССР. Она кратко знакомит читателя с основными положениями конституции, показывает те изменения, которые произошли в жизни советского народа с момента принятия Конституции СССР в 1936 году, излагает задачи, поставленные XX съездом КПСС перед Советским государством.

Кандидат философских наук Г. Л. ЕПИСКОПОСОВ. «О некоторых чертах современной реакционной буржуазной социологии».

Брошюра раскрывает антинаучный характер современной реакционной буржуазной социологии, защищающей господство капитализма и клевещущей на народные массы.

Г. К. ИНЮТИН. «Что дает трудящимся новый пенсионный закон».

Брошюра знакомит читателя с сущностью «Закона о государственных пенсиях» и показывает, какое он имеет значение в общей системе мероприятий партии и правительства по повышению материального и культурного уровня жизни советского народа.

В брошюре показано, что новый пенсионный закон значительно расширяет круг лиц, имеющих право на государственное пенсионное обеспечение, и увеличивает размер пенсий как назначенных ранее, так и тех, которые будут назначены в дальнейшем.

Доктор философских наук, профессор математики Э. КОЛЬМАН. «Кибернетика».

Брошюра рассказывает о том, что такое кибернетика, знакомит читателя с принципами устройства, работы и применения машин, выполняющих некоторые психические функции человека.

Покупайте брошюры-лекции в магазинах Главкниготорга, киосках «Союзпечать» и торговых учреждениях «Центросоюза».

Издательство «Знание»